

ЮРИЙ НИКИТИН

Порвали парус

К О Н Т Р О Л Е Р

Контролер

Юрий НИКИТИН

Контролер. Порвали парус

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Никитин Ю. А.

Контролер. Порвали парус / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2020 — (Контролер)

И все-таки Комитет по спасению Человечества нужно было создать раньше. Не успели многое. Страшное оружие, перед которым ядерное смотрится детской игрушкой, сработало. Команды спасателей отчаянно ищут варианты спасения уцелевших. Промедление смерти подобно, планета стремительно погружается в хаос. Доктор наук Лавронов, со скальпелем в одной руке и пистолетом в другой, становится на защиту мира. С ним длинноногая капитан Ингрид, стреляющая в прыжке без промаха и владеющая всеми приемами. Всеми.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Никитин Ю. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	44
Глава 11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юрий Никитин

Контролер. Порвали парус

Часть 1

Глава 1

Не знаю, как это получается, но огромный участок в Сибири за четверо суток стал безжизненным. Оттуда ушли все олени, все хищные звери и зверьки, даже муравьи унесли кукол и увели королеву.

...А на пятые сутки в центр того места ударил огромный метеорит. Пусть и поменьше Тунгусского, однако достаточно крупный, чтобы разрушить целый город, если бы, конечно, там оказался город.

Я рассматривал съемки места падения метеорита еще за сутки до того, как он приблизился к Земле. Куда рухнет, вычислили заранее, предупредили, чтобы туристы не совались в тот район до особого распоряжения, а я смотрел снимки, и не мог отделаться от тягостного впечатления, что даже деревья пытались вытащить из земли корни и уйти, но из-за своей медлительности просто не успели.

Возможно, деревья в самом деле тоже знали. Или чувствовали. Вселенная – единый организм, мы только-только начинаем догадываться о такой невероятной возможности и все не можем в нее поверить.

Мануйленко, безмерно счастливый, его сфера работы в нашем Центре глобальных рисков выглядит для всех глуповато-бесполезной, тут же послал мне сигнал особой срочности, я последние дни не покидаю Центр Мацанюка, точнее, ту его часть, что называется Центром биотехнологий, что, в свою очередь, распадается на ряд центров помельче: нейрохирургии, биохакинга, нейротехнологий и прочих отделов, что уже не отделы, а отрасли прикладной науки.

На экране, повинаясь взмаху руки, появилось помещение комнатки Мануйленко. Он радостно заулыбался, собрал со стола листки с распечаткой траекторий всех астероидов, что могут угрожать Земле в ближайшие сто тысяч лет.

– Погоди, – остановил я его с экрана, – про сингулярность, что наступит раньше, уже не говорю, но ты забыл, что и так вижу кто чем занимается?.. И эти все твои расчеты уже просмотрел... Второй метеорит с такой или большей массой упадет не раньше, чем через триста лет! А к тому времени будем готовы. Сбегай лучше за кофе. Там Данко морщится, будто зуб заболел, Ивар вообще лоб трет... А Оксана поможет с бутербродами.

И, не ожидая, что ответит, я обрубил связь, лишь успел увидеть его счастливое лицо. Оксана совсем недавно вошла в наш мужской коллектив тихим зайчиком, даже мышкой, но уже перестала горбиться и сдвигать плечи, пряча пышную грудь, и теперь уже не она всем разносит кофе, а ей стараются принести и сделать хоть что-то приятное, а заодно обратить на себя внимание.

Почти сразу пикнул сигнал вызова, на боковом экране появилось лицо Мещерского, почти такого же размера, как увеличенный на полстены цитоскелет нейрона с красиво вспученными дендритами. Я сказал мысленно «связь», лицо Мещерского сразу ожило, взглянул на меня и на стены моей лаборатории с живейшим интересом.

– О, у вас такое окружение...

– Это у вас такое, – пояснил я любезно. – Вы прям политик! А у меня справа аффарентники, а прямо перед вами безаксонники. Правда, восхитительные создания? Будь я Богом, и то бы лучше не сделал!

– Да, – согласился он, – конечно. Владимир Алексеевич, с вами очень хочет связаться Уваров, он начальник Генштаба.

Я отмахнулся.

– Пусть через вас.

Он спросил благожелательно:

– У вас к ним недоверие?

– Мне доверия к вам достаточно, – ответил я со всевозможной любезностью. – Зачем плодить лишние звенья?

Он сказал с улыбкой:

– Изволят переговорить именно с вами. Отказать не могу, там по должности выше.

Я ответил с неохотой:

– Ну если только вас не устраивает что-то в наших отношениях...

– Нас устраивает вполне, – заверил он, – но не устраивает их.

– Мы плохо работаем?

– Напротив, – ответил он. – Там оценивают ваш потенциал очень высоко, потому стараются подгрести весь отдел глобальных рисков под себя.

– Не получится, – отрезал я. – Мне их подковерные игры неинтересны.

Он посмотрел на меня внимательно.

– Вы сразу хватаете на лету. Действительно, пошло перетягивание одеяла. Но я не могу вот так взять и отказать, если вы против. Потому свяжу вас с ним, а вы проясните ему свою позицию. Только помягче, помягче, Владимир Алексеевич.

– Я ученый, – напомнил я, – а не дипломат. Я называю кошку кошкой.

Он вздохнул, шевельнул пальцами, переключая каналы на расстоянии. Вместо него на экране появилось крупное мужское лицо с квадратной челюстью и маленькими злыми глазами. Волосы подстрижены армейским ежиком, на петлицах знаки различия генерала армии, что должно производить впечатление на служивших там, но у любого служителя науки вызовет автоматическое отторжение.

– Уваров, – представился он, – начальник Генерального штаба, до этого заведовал отделом стратегического мониторинга, так что в вашей теме не новичок. Владимир Алексеевич, я в курсе, что у вас с генералом Дубарским произошло некое недопонимание. Он заслуженный человек, умелый военачальник, но я понимаю, что в вопросах общения с представителями науки...

– Генерал, – прервал я, – я представитель науки, как вы сказали верно, потому ценю свое время. Не знаю, как вы, в погонах не разбираюсь, но я занят. Говорите короче.

Он поморщился, привык к выказываемому уважению, сказал уже более деловым голосом:

– Владимир Алексеевич, в Генеральном штабе придают колоссальное значение проблеме глобальных рисков. Мы полагаем, работа с ним должна выйти на более высокий уровень. Потому намерены включить ваш отдел в наиболее важную структуру...

Я вскинул ладонь, прерывая на полуслове.

– Генерал, вы что-то не поняли. Или вас неверно проинформировали. Я не служу ни в Генштабе, ни вообще в армии. Я даже не контрактник.

Он запнулся, наконец выговорил с усилием:

– Но ваш отдел так хорошо работает в ГРУ...

– Мы не работаем в ГРУ, – напомнил я.

– Но вы же...

– Мы сотрудничаем с Управлением, – пояснил я, – снабжая некоторой информацией.

Он сказал, понизив голос:

– Мы в курсе, что случилось в Тунисе...

– За это взяло на себя ответственность ГРУ, – напомнил я. – Операцией вообще-то руководил один из лучших офицеров ГРУ капитан спецназа Ингрид Волкова. А я так... консультировал.

– Но ГРУ, – напомнил он, в свою очередь, – лишь один из отделов Генерального штаба. ГРУ – это мы сами, Владимир Алексеевич.

Я развел руками.

– Еще раз напоминаю, в ГРУ не работаю и не работал. Потому забрать нас или перевести в другой отдел вы не можете. Генерал, если у вас нет ко мне больше других вопросов...

Он сказал чуть-чуть нервно:

– Сейчас вопрос стоит в другой плоскости. Как я понял, вы вообще отказываетесь вернуться под руку силовых структур?

Я вскинул одну бровь и посмотрел на него свысока.

– Что-то вас не понимаю... Ах да, это вы не понимаете ситуацию. Когда кого-то из своих агентов выгоняете или он сам уходит, то разве что таксистом устроится, а то и просто грузчиком. Я же доктор наук, у меня самая лучшая в мире работа!.. Вы это не поняли, вижу...

Он посмотрел с экрана по сторонам, оглядывая мой кабинет, весь заставленный сложнейшей аппаратурой.

– Да я почти понимаю, но все-таки...

– Вам стоило бы посмотреть на людей здесь, – посоветовал я. – Это чистые и умнейшие люди!.. Таких на всю планету наберется не так уж и много. Жить и работать среди них – счастье. Общаться с ними, жить в их обществе... да, счастье! Это уже прекрасный дивный мир будущего, хоть пока только на этом этаже корпорации Мацанюка. Ну ладно, пусть и на других, но в этом отдельном здании. Не поняли? Когда я принял предложение работать... нет, сотрудничать с Управлением, это я делал вам одолжение, а не вы мне!.. И сейчас с великим удовольствием, даже наслаждением вернулся к себе домой.

Он посмотрел на меня исподлобья.

– А как же патриотизм? Хотя да, патриот из вас никакой, но как же интересы человечества?

Я развел руками.

– Принимаю к сердцу. Но сделать ничего не могу. Когда мною собирается руководить нечто предельно тупое и косное, какой от меня будет толк? Возьмите любого рядового солдата, отдача будет такая же нулевая, но обойдется дешевле, и спорить не будет.

Он всмотрелся в меня пристально.

– Так вы отказываетесь вернуться?

– Бесповоротно, – отрезал я.

– Почему?

Я вздохнул, тяжело разговаривать с меднолобыми.

– Генерал, как уже сказал, посмотрите, посмотрите на мою лабораторию и людей в команде! У них у всех ай-кью таков, что сто тысяч генералов не наскребут и на половину уровня любого из них!.. Генерал, пока я вам не сказал больше, в том числе неприятного, давайте скажу лучше вежливое «До свидания!».

Вообще-то телефонный или любой разговор по всем правилам приличия должен заканчивать тот, кто начал, но бывают исключения, как вот в данном случае, когда на силовое давление нужно ответить адекватно, практически нахамить, военные этот язык понимают лучше.

И все-таки нехороший осадок остался, в нашей среде ученых все предельно вежливы, корректны и предупредительны, и когда выходишь в реальный мир, ужасаешься как везде

насрано, что на улицах, что в отношениях между людьми, хотя те существа вообще-то наполовину, а кто и больше питекантропы.

За время этой конфронтации насчет переподчинения в свой отдел по катастрофам заглянул только один раз лично, а затем появлялся снова, но уже не лично, как скажет простой человек, потому что видеоконференция это не совсем то, даже совсем не то, хотя мы, которые продвинутые, понимаем, что это то же самое, только лучше.

Когда я вижу их всех, слышу и даже читаю по мимике, кто что хотел сказать, но не сказал, как-то глуповато тащиться на другой конец города, пробираясь через осточертевшие пробки, только чтобы сказать несколько слов, посмотреть, кто что сделал, как будто вот прямо сейчас не вижу, а потом еще и терять полтора часа на обратную дорогу.

Так было во времена Менделеева, но сейчас и он с огромным удовольствием общался бы по широкополосной сети, а работы пересылал мессенджерами.

Через пару секунд после разговора с генералом на экране появилось лицо Мещерского, выглядит сконфуженным, но все тот же лорд по виду и манерам, проговорил со спокойной улыбкой, но с оттенком укоризны:

– Владимир Алексеевич...

– Да, Аркадий Валентинович, – ответил я. – Что делать, нет во мне трепета перед начальником Генерального штаба. Наверное, он очень важная персона?

– Очень, – подтвердил Мещерский.

– Я так и подумал. Случаем, Бога не обижает?..

Он сказал со вздохом:

– В Генеральном штабе все безбожники, что сказывается на их работе. И что теперь с вашим Центром?

– Я включил глушилку, – предупредил я, – нас никто сейчас не услышит, потому признаюсь: я слежу за своими ребятами и подбрасываю им задания. Но пусть это будет между нами. Официально ушел, ушел, ушел... и работаю, как, впрочем, и есть на самом деле, в Центре Мацанюка над некими чисто научными задачами. Могу рассказать, но боюсь...

– Не надо, – сказал он быстро, – а то приснятся ваши инфузории...

– Это прекрасные сны!.. В них как среди гурий в джаннате!

Он уже чуть просветлел, голос прозвучал живее:

– Признаться, я и надеялся, что вы тайком заглядываете в свой отдел. А мы тут продолжим войну за перемены в генеральском мышлении.

– Успеха, – пожелал я.

В Центре Мацанюка в соседнем небоскребе расположился Центр биотехнологий, что, в свою очередь, состоит из центров помельче, в каждом исследования ведутся настолько большими группами, что их пора дробить на лаборатории помельче и тоже называть центрами.

Недавно у них провели опыты над муравьями в рамках айтиэйджинга, удалось продлить жизнь достаточно заметно. До двух лет фараоновому муравью, это все равно если бы человек стал жить тысячу двести лет. Жаль только, что по этой методике получается только с насекомыми, а вот рыбам таким способом жизнь продлевается в семь раз, земноводным в четыре, мышам – вдвое, а человеку только на шесть-восемь процентов, хотя понятно, затевалось вовсе не для того, чтобы создать мух-долгожителей.

С муравьями надеялись понять, останутся ли скованные инстинктом в прежних рамках или же проявят некие новые свойства и способности, что откроются у модифицированных особей?

Однако они ухитрились сбежать из лаборатории, где мирмекариум расположен в трех залах, благополучно перебрались через забор, никакая сигнализация не среагировала на такие крохотные объекты, и тут же ушли в землю.

Сложность в том, что там вблизи заброшенные шахты. Еще при Борисе Годунове добывалось много полезного, но теперь только очень глубокие и пустые норы, разветвленные на многие километры.

Так что муравьи сразу могли уйти очень далеко, а уже там зарыться в землю и наделать собственных нор.

Биотехнологов это не встревожило, а вот Ингрид примчалась ко мне на работу с этой сенсацией и с ходу потребовала то ли вязать и не пущать, то ли что-то предотвратить, чтобы вот взять и спасти мир. В общем, всерьез вошла в роль Защитницы Цивилизации, воспламенилась и сыплет искрами.

Я посмотрел на нее с симпатией взрослого на дурного ребенка.

– Ух ты!.. Чё, правда? Но все-таки нет, лови их и сажай до выяснения, что задумали, без меня.

Она нахмурилась, но спросила с долей сочувствия:

– Что-то случилось? Опять мышь за палец укусила? Или ты настолько в ссоре с генералитетом, что отказываешься и мир спасать?

– Нет, – ответил я, – но муравьев люблю и чту за их исполинскую цивилизацию, что сумели создать при их крохотных мозгах.

Она напомнила победно:

– У них крупные головы. Я видела.

– В кино? – уточнил я. – В тех головах всего по одному-два ганглия, а у человека сто тысяч мильонов. Но человек все еще дурак. Прости, я на тебя посмотрел просто так. Никаких намеков!

– Правда? Почему?

– Почему никаких намеков?

– Да, – ответила она. – Раньше не упускал случая меня обидеть, а то и вбить в землю по ноздри. А человек на триста миллионов лет моложе муравьев, даже я знаю.

Я посмотрел на нее с той же нежностью взрослого.

– Человек станет бессмертным еще перед входом в сингулярность. Представляю, каких высот ты достигнешь!

– Догоню муравьев? – спросила она.

– Точно, – подтвердил я. – А то и обгонишь. Прости, я не стану действовать муравьям во вред.

– Увиливаешь? Почему?

– Вряд ли муравьи несут угрозу человечеству, – ответил я. – А если несут... ну, возможно, они для эволюции более предпочтительный вариант. В общем, я в них верю. Они живут в гармонии с миром.

Она посмотрела в изумлении.

– Ты? А как же эту самую гармонию алгеброй?.. И слово какое-то позорное для ученого... Верю!

– Сейчас в тренде, – ответил я с достоинством, – верить в Бога. Именно для ученых высшего эшелона. А грузчикам и агентам секретных служб Бог не нужен еще со времен Федора Михайловича.

Она сказала уязвлено:

– А можно мне смиренно напомнить, что ты все еще глава секретнейшей службы, располагающий огромными полномочиями?..

– Я отстранен.

– Ты не отстранен, – отрезала она, – ты сам отстранился! И как насчет твоей веры в Бога?

– Все равно верю, – отрезал я. – В целом, в общем. Но поступаю, конечно, будто Бога нет. Такова жизнь. Но вообще-то Он есть.

Глава 2

В новостях промелькнуло, что на поиск иных цивилизаций выделено еще семьдесят миллиардов долларов.

Меня передернуло, но что делать, живем в мире идиотов, а всех перебить – остаться на пустой планете. К тому же мало кому понятно, что поиск иных цивилизаций в космосе свойственен только идиотам. Эти недоумки снимают фильмы и бесчисленные сериалы, где на Землю высаживаются пришельцы-захватчики, практически неотличимые от людей, плюс еще почти на том же уровне развития, это вообще блеск, но идиотам не понять, что оружие двадцать второго века будет отличаться от оружия двадцать первого больше, чем сам двадцать первый от времен Древнего Египта.

Понятно же, что при таком ускорении никакие цивилизации попросту не доживут до появления иных цивилизаций в той же вселенной, пусть и в самых далеких галактиках.

Уже, через несколько лет после начала сингулярности, а то и месяцев, найдут способ как «свою» вселенную изолировать, взять в капсулу или еще как-то изъять из этого грубого примитивного материального мира – фу, какая гадость! – и переместиться с ним в нечто иное, о чем сами еще не подозревали год назад.

Так что вселенная, понятно, пуста. Она полностью наша. Мы ее хозяева, о чем она еще не подозревает. За какую-нибудь сотню лет от сегодняшнего дня выйдем на тот уровень, когда сможем менять даже фундаментальные законы существования материи. А там либо изыщем ее, вселенную, в нечто иное, более достойное, либо оставим такой же дикой, а сами перейдем туда, где о покинутой вселенной будем вспоминать с брезгливым сожалением, как о времени, когда были трилобитами и рылись в грязи.

На свой этаж я поднимался один, по дороге в лифт подсел Гуцулов, а когда вышли на площадку своего этажа, из кабинки навстречу твердо и уверенно вышел Лелекин, веселый и довольный, как два слона, расплылся в широчайшей улыбке.

– Друзьяки, вы как?.. Эти выходные просто чудо!.. Еще в субботу как взяли пять пузырей вискаря, так и до вечера воскресенья на просыхали!.. Ха-ха, на рыбалку поехали, Щепелявкин даже удочки там забыл...

Гуцулов сказал вежливо:

– Зато хорошо отдохнул?

– Даже не представляешь, – заверил Лелекин. – Ящик вискаря на троих!.. И всего за два выходных. Я думал, уже не смогу, но мы, оказывается, еще те орлы!

Он улыбнулся еще шире, такой герой, мог бы еще добавить, что перепил всех, у альтернативно одаренных это высший шик и доблесть, но вместо этого лишь хлопнул покровительственно Гуцулова по плечу, дескать, вот как жить надо, и победно пошел в сторону своей лаборатории.

Гуцулов вздохнул, а я посмотрел вслед Лелекину с брезгливой жалостью.

– Да-да, разумеется...

Не то чтобы презирал этих людей, сам таким был, но у меня это прошло, хоть и длилось дольше ветрянки, однако сколько людей, которым я в сыновья гожусь, все еще гордо сообщают, что они пьют, видите ли...

Это как бы признаются в доблести. Вот вы не пьете, а я герой! Я пью и несую всякую хрень, пьяным можно, пьяные всем нравятся, так как уже не конкуренты и не доминанты. Сами пьющие не упускают случая запостить в сетях свое фото с бокалом вина в руке, а еще лучше – со стаканом виски.

Они же постоянно фотографируют свои накрытые столы, как же, хорошо живут, жизнь удавалось, вон сколько жратвы, ни одна свинья столько не съест, а я вот могу!

А еще фотки, где они в обнимку с такими же поддатыми и довольными. А что еще от жизни надо, как не жрать и пить?

Гуцулов ухмыльнулся понимающе, а когда Лелекин скрылся за дверью своей лаборатории, сказал шепотом:

– Он все еще родом, как говорят, из детства. А я никак не могу понять эту амбивалентность, вроде бы не дурак в работе, но такой дурак вообще...

– Это не дурист в этом мире, – ответил я. – Как раз это считается нормой. Потому что тот, кто не пьет, либо пьет, когда на виду и в обществе, либо рассказывает о себе, что пьет.

Он сказал с сомнением:

– Полагаешь, врет?

– Похоже на то, – согласился я. – Просто хочет выглядеть нормальным. Если спросишь, за кого болеет, вот увидишь, с ходу назовет какую-нибудь футбольную команду!..

– Слабак, – сказал Гуцулов.

– Все люди слабаки, – подтвердил я. – И все в чем-то да прикидываются.

Он сказал с недоумением:

– Я вот, когда знакомлюсь с интересной женщиной, прикидываюсь, что я доктор наук вроде тебя. Но чтобы прикидываться лаборантом, когда я магистр...

– Прикидываться надо бандитом, – пояснил я, – это романтично. Или спившимся алкоголиком, это у всех вызывает понимание.

Он смерил меня придирическим взглядом.

– Для того и качаешься? Скоро бицепс рукав рубашки порвет!

Поработал в лаборатории до обеда, затем всей веселой и галдящей толпой вывалились в столовую. Блюда только здоровой кухни, Мацанюк настойчиво и злобно навязывает всем здоровый образ жизни, многие бурчат, все побурчать любим, но то, что меню подобрано именно с учетом требований науки, чтобы человек оставался здоровым и работоспособным до глубокой старости, никто не оспаривает.

Гуцулов за столом поинтересовался:

– Владимир Алексеевич, что насчет сообщения Леннокса о роли затухающих сигналов в нейронной сети грызунов?.. В самом деле можно полностью терять, а потом восстанавливать информацию?

– Нужно повторить в наших условиях, – ответил я уклончиво.

– Уже, – сказал от соседнего стола Лелекин, – я перевел крыс на новый режим, начинаю серию экспериментов.

Косенков сказал с иронией:

– На крысах? Щербатько, который Щербатко, еще вчера пару свиней подготовил.

– А я слышал, он планирует на себе...

Лелекин сказал с достоинством:

– Что свинья, что Щербатько, который Щербатко, какая разница? У них одни реакции. Но на крысах получу результат быстрее!

– И начнешь ставить на свиньях?.. Щербатько, что не Щербатько, точно опередит!

– Это еще посмотрим, – отрезал Косенков задиристо. – Владимир Алексеевич, а вы верить сообщение доктора Леннокса не будете?

Я покачал головой.

– Без меня проверят. И, думаю, подтвердят. Скорее всего, он в самом деле совершил важное открытие. Не шажок, как сказал скромно, это же на публику, а в самом деле гигантский шаг. Нам как-то все равно насчет восстановления всех детских воспоминаний, начиная с тех, как сосал материнскую грудь, но эта возможность даст увеличение емкости оперативной памяти в тысячи раз!.. Оперативной!

Косенков покрутил головой.

– И позволит работать в сотни раз... ну пусть в десятки, продуктивнее!

Я посматривал на них с нежностью. Все думают в первую очередь о работе, а не о том, как где что ухватить, хапнуть и утащить в нору, что составляет почти всю жизнь рядового человека.

Здесь те, кто рожден для сингулярности, только бы уберечь их, соль человечества...

Лелекин на миг оторвался от вегетарианской каши и с тоской посмотрел на гигантскую отбивную на тарелке Гуцулова, которому предписано усиленное питание с большим количеством белков.

– Сегодня утром сообщили, в ЮАР снова какая-то новая болезнь?

Косенков отмахнулся.

– Ерунда какая-то. Газетчики всегда раздувают из мухи слона.

– Борьба за тиражи и рекламу, – подсказал все знающий Лелекин. – Вон какие страшилки были насчет свиного и птичьего гриппа?.. Владимир Алексеевич?

– Да, – согласился я, – просто ЮАР жалко. Совсем недавно был такой рай для человечества... А теперь каждый третий ВИЧ-инфицирован. И, скажу честно, как-то не рвусь туда спасать. Там верят, что если изнасилуют белую женщину, то сразу излечатся... И стараются изнасиловать всех, кто из белых еще не убит или не успел эмигрировать. Да пустьдохнут, не жалко.

– Там не только ВИЧ, – заметил Лелекин, – сейчас там вообще клоака всех болезней...

Косенков сказал умоляюще:

– Не за столом, а?

На него посмотрели, как на чужого. Для генетиков и физиологов, как и для патологоанатомов, нет запретных или шокирующих тем в отношении человеческого организма и его потребностей.

Гуцулов помахал рукой, подзывая официантку. Он всегда торопится вернуться к работе и сейчас тоже начал жадно пить кофе, одновременно глотая большими кусками блинчики с творогом.

Герашенко я отыскал в его маленькой уютной лаборатории. Спинай ко мне, в одной руке гигантский бигмак, в другой огромная чашка парующего кофе, явно двойной эспрессо, а на столе рядом с вольером с мышками на широком блюде еще с полдюжины вкусно пахнущих бигмаков.

– Ого, – сказал я, – как же вы о мышках заботитесь!

Он развернулся, снова заметно раздобревший, как свежее испеченная булка, сказал виновато:

– Это ты, Володя... Нет, это я не мышкам.

– Как, – сказал я подчеркнуто шокированно, – а как же наш главный девиз «Все лучшее – мышкам»?

– У них все лучшее, – сказал он быстро-быстро и очень виноватым голосом. – Вот посмотри, чем их кормлю!.. А это мне, без еды почему-то грустно. Хуже соображаю.

– Мышки тоже, – ответил я.

– Все мы в чем-то мышки, – согласился он. – Хотя все мы вполне себе мышки. Сахару побольше, мозг на нем работает, это все, что помню из школьного курса.

– Вижу, – сказал я, – снова новая аппаратура?

Он улыбнулся, как Владимир Красное Солнышко в молодости, когда увидел римскую принцессу Анну и задался целью ее заполучить.

– Мацанюк постоянно закупает самое новое! У него программа насчет переманивания западных специалистов.

– И как?

– Пока больше возвращаются наши, – ответил он. – Но есть и варяги. Пока ходят, смотрит, принимают.

– Запад он такой, – согласился я, – никаких эмоций, все по расчету.

– Парни вроде бы адекватные, – сказал он. – Я поговорил с ними, рвачей не заметил, все в первую очередь интересуются аппаратурой и нет ли утеснений со стороны администрации.

– Что значит, – уточнил я, – ничего, кроме науки, не видят и знать не хотят?

– А разве мы не все такие?

Я вздохнул, тоже предпочел бы заниматься только наукой, но помимо того, что намертво всажен в это дурацкое тело двуногого, в котором сразу же умру, если оно вдруг сдохнет, так я еще и в этом дурацком мире, где сами ученые составляют ничтожнейший процент населения, хотя мир нуждается именно в них и даже существует только благодаря им, то есть нам.

– Остап Шухевич, – сказал я, – не обижайтесь, что исчезаю так надолго. Похоже, снова на некоторое время как бы выпаду из науки... Не всем там, куда иду, нравится мое присутствие, но стерплю. Я что-то вроде авторитетного консультанта при Генеральном штабе.

– Ого, – сказал он с непонятым выражением.

Я сказал, защищаясь:

– Нельзя упускать случай влиять на высокопоставленных меднолобых. Надо делать все, чтобы меньше творили дури, а добро делали хоть изредка!

Он сказал торопливо:

– Володя, мы же все понимаем!.. Ты за всех нас отдуваешься, представляя науку на таком высоком уровне среди существ, принимающих важные решения!..

– Что-то вроде того, – пробормотал я. – Но свою работу я не оставляю...

Он отложил бутерброд и поставил рядом на стол чашку с кофе, патетически всплеснул руками и, снова ухватив то и другое, сказал живо:

– Ты и так как только успеваешь!.. Мы все читали две твои статьи в «Ньюс Сайенс», где ты предложил новый подход к операциям с митохондриями... Просто великолепно!

– Спасибо, – сказал я польщенно.

Он поинтересовался:

– А как дома?

Я вопрос понял правильно, люди попроще обычно имеют в виду, как там жена, дети, теща, но мы особая раса, ответил точно на тот вопрос, который он и задал:

– Автоматизировал все, что можно! Теперь можно очень многое...

– Кормушки?

Я отмахнулся.

– Что кормушки и поилки, они всего лишь автозаполняются, я теперь даже инъекции ставлю удаленно! Результаты идут прямо на смартфон!.. Наблюдаю за мышками из любой точки планеты.

– В хорошее время живем, – сказал он с удовольствием.

– В прекрасное...

От него я прошелся по лабораториям Щербатко, Гуцулова, заглянул к Лазаренко, а мозг, пользуясь тем, что отвлекся с друзьями, снова полез туда, куда обычно не пускаю: в происшествия, экономику, политику. Хорошо хоть в спорт и развлечения ни в полглаза, мое величество запретило строго-настрого, только наука и хайтек, а если из событий, то если уж действительно что-то необычное.

На этот раз поверх всего он выложил сообщение, что в ЮАР замечена вспышка некой эпидемии. Я чуть было не смахнул такую ненужную мне новость, час назад за обедом кто-то упоминал о ней, но успел зацепиться за слово «эпидемия».

Хотя, конечно, скорее всего просто журналистский перехлест, у них все чрезвычайное, им лишь бы кликнули по заголовку, а там пусть и пустышка, платят за количество кликов, так что да, у журналистов везде катастрофы, апокалипсисы и Аня Межелайтис, у которой, вот смотрите, спали трусики...

Заболевших все же многовато, если такими темпами пойдет и дальше, через неделю можно в самом деле применить термин «эпидемия», но, конечно, за это время очаг заболевания локализируют и с болезнью покончат.

Симптомы, как сообщают те же газетчики, не такие уж и необычные: человеком овладевает сонливость, апатия, он с трудом борется с вялостью, а при удобном случае старается отыскать укромное место и вздремнуть.

Вообще-то это типичное поведение офисного планктона, который без всяких эпидемий старается увильнуть от работы и вздремнуть в ожидании конца рабочего дня. Пока нет ни температуры, ни рвоты, ни даже диареи, считать такое поведение эпидемией как-то рановато.

Возможно, сезонная аллергия на массовое цветение каких-то местных трав или кустарника. Наверняка такое бывало и раньше, но в одном месте война, в другом – крушение лайнера с пассажирами, то кто обратит внимание на такую мелочь, а сейчас уже с неделю странно тихие дни, никто нигде не взорвал самый пустяковый автобус с туристами из Штатов, а как газетчикам жить без сенсаций?..

Глава 3

У себя в лаборатории я вошел в сеть и в ту же секунду на другом конце Москвы оказался в моем отделе, который отделом называю, как мне кажется только я, а все остальные – Центром стратегических рисков, хотя полное название еще более длинное, мы создавались не для рисков, а для их предотвращения.

Некоторое время с теплом в душе наблюдал, как кто работает. Ну какие же молодцы, хотя, с точки зрения обывателя, кто малость, а кто и не малость прибацанные. Как и я, кстати.

Я переключил экраны на себя, все сразу подняли головы, Данко среагировал первым:

– Шеф!.. Вы как явление Христа народу!.. Все реже и реже...

– Буду чаще, – пообещал я. – Скоро.

– А в реале?

– Тоже скоро, – пообещал я. – Мы же дикари пока что, верно? Так что подъеду на днях. Хотя вообще-то я и сейчас с вами... Что ты с утра мусолишь ту статью? Что-то серьезное?

Данко сказал с завистью:

– Люди делом занимаются!.. Эта миниатюризация вот-вот обернется взрывом... А что мы?

– Чистим авгиевы конюшни, – ответил Ивар со своего места.

– Если не почистим, – добавил Гаврош, – это дерьмо, как элегантно говорит шеф, нас затопит. Шеф?

Он оглянулся на меня за поддержкой. Я ответил без охоты:

– Я сам демократ и сторонник мягких методов. И строгой законности. Но мы прижаты к стене сроками.

Данко заметил весело, но тревожно:

– Хайтек не мчится, а уже летит!

– Вот-вот, – подтвердил я. – Потому выжигаем все, не рассматривая, кто виноват меньше, кто больше. Иначе погибнем и мы, и весь мир. Напоминаю, разрабатывайте жесткие решения, на гуманизм не оглядывайтесь.

Оксана сказала с таким сочувствием, что меня буквально обдало волной тепла:

– Шеф, ну что вы все оправдываетесь?.. Все понимают, другого выхода просто нет.

Ивар добавил с кривой усмешкой:

– Но подтверждение не мешает. Надежнее. Мы же привыкли отчитываться за каждый вздох, за любое шевеление... Это комиссии задолбали!

– Все комиссии на время чрезвычайного положения упразднены, – заверил я. – Во всяком случае, в нашем случае. Я за это дрался, как лев. Дикий лев.

– Военное положение? – спросил Данко с надеждой.

– Типа того, – согласился я. – На период, пока не подавим угрозы человечеству. Простых бандитов пусть ловит полиция. И расследует убийства на почве семейных ссор...

– А мы типа международная?

– С чрезвычайными полномочиями, – напомнил я. – Чрезвычайный Комитет.

– ЧК?

– Да, – ответил я. – То старое ЧК, которое создал Ленин, спасло молодую Россию, а это международное призвано спасти мир.

Данко сказал с намеком:

– И право имеем действовать так же решительно и быстро. Даже еще решительнее. Спасти мир... это даже больше, чем спасти Россию. Так, шеф?

В его голосе кроме легкой издевки я уловил и надежду, что да, могу изменить эту неправильность, когда во главе государств стоят не умные, а сильные и напористые.

– Все изменится, – пообещал я. – Очень скоро. Спинным мозгом чувствую ветер перемен. Либо изменится, либо погибнем. Все.

– Скорее бы, шеф, эти перемены...

– Скоро, – повторил я. – Это витает... Как ощущение страшной грозы, после которой наступит новый безопасный мир.

Улыбнувшись им во все тридцать два, из них четыре уже имплантата, я переключил на защищенный канал, хотя у меня все защищенные, но этот подчеркнуто защищенный, чтобы видели и на той стороне.

На экране появилось крупное костистое лицо мужчины с квадратной челюстью и упрямыми под мощные надбровные дуги глазами.

– Дуайт, – сказал я, – не разбудил? Америке пора перейти на московский часовой пояс, наши страны сразу подружатся.

– Привет, Влад, – ответил он. – Конгресс будет за, но сенат против. А простой народ в бешенстве потребует начать войну.

– Против России?

– Нет, русских бояться, – пояснил он, – вы же все сумасшедшие, но можно напасть на какую-нибудь маленькую страну в Африке или в Аравии.

– Чтобы потом беженцы заполнили Европу?

– А что? Так ей и надо.

– Дуайт, – сказал я вполголоса, – вопрос высшей секретности.

Он быстро зыркнул по сторонам и сообщил совсем тихо:

– Я врубил заглушку.

– Дело в том, – сказал я, – что в Пакистане закончили сборку двух атомных самозакапывающихся мин. Уже готов корабль, на котором их отвезут к берегам Штатов.

Он охнул:

– Что...

– Планируют установить там, – сказал я.

Он проговорил сдавленным голосом:

– Эти талибы совсем охренели...

– Установят, – сказал я, – но ты понимаешь, зачем? Это не превентивные меры, как сделала Россия.

Он умолк, я с сочувствием всматривался в его суровое мужественное лицо. Дуайт Харднетт, старший агент ЦРУ, великолепный оперативник, настолько великолепный, что забрали в управление, где звереет от тоски, ежедневно сталкиваясь с коридорными интригами и подковой борьбой.

– Хочешь сказать...

– Да, – подтвердил я. – Как только корабль отойдет подальше, тут же взорвет.

– Сволочи, – сказал он злобно, – я как представлю эту гигантскую волну, что со всей дури саданет в берег...

Я отмахнулся.

– Фигня. Сколько одна-две мины натворят?.. Ну полмиллиона американцев притопят, пару приморских городов попортят, да и то не до конца... Зато праздник для всей планеты, пиндосы тонут, какое счастье!

Он некоторое время смотрел бешеными глазами, отреагировав сперва на то, что это совсем фигня – затопить каких-нибудь полмиллиона американцев, чего их жалеть, весь мир их не любит, и только потом сказал сдавленным голосом:

– А что на самом деле?

– Замысел серьезнее, – ответил я с сочувствием. – Это же не просто подозрение на Россию, а прямое указание!.. А когда схлестнемся в драке, Пакистан реализует свои далекоидущие замыслы в своем регионе.

Он скрипнул зубами.

– Ну да, в Пакистане сейчас у власти радикальная ветвь ислама... Подумать только, у таких фанатиков в руках ядерное оружие, даже атомные подлодки!

– И продолжают наращивать, – напомнил я.

Он потряс головой, провел ладонью по глазам.

– Насколько это...

– Через два дня, – сказал я, – корабль выйдет из Карачи. Можете захватить по дороге, но есть смысл дождаться, пока поставят мины и взорвут, чтобы убедиться, прав я был или ошибся...

Он сказал с тяжелым вздохом:

– Ну спасибо... Тебе лишь бы точнее доказать свою правоту!..

– Конечно, – подтвердил я. – Я же представитель сравнительно точных наук.

– Мир все опаснее, – сказал он несчастным голосом. – Какой корабль, уже знаешь?

– Нет, – ответил я, – там еще не решили. Выбирают позауряднее, что уже совершал рейды в ваши воды, примелькался, интереса не вызовет.

– Если узнаешь...

– Не если, – уточнил я, – а как только.

– Я снова твой должник!

Я ухмыльнулся.

– Люблю быть богатым и толстым!.. До встречи.

– Нам нужно скорее сближать наши страны, – ответил он. – До встречи, Влад!

Глава 4

В новостях промелькнуло о значительных льготах при выдаче кредита, пособий и приеме на работу геям, асексуалам и чайдльфришникам, а вазектомию отныне будут делать бесплатно и вне очереди, как в Евросоюзе, так и в Штатах, Канаде, Австралии, Новой Зеландии...

Моя питекантропия половина привычно поморщилась, зато мозг сказал с одобрением насчет набирающей скорость правильной программы по сокращению лишнего населения.

Людям, которых называют собирательным словом «ученые», вроде бы не свойственны рефлексии, я тоже так полагал, даже был в этом уверен. Но сейчас, когда благодаря рискованной операции получил право жить дольше и даже расширить свои возможности, какой-то червячок во внутренностях начал беспокойно шевелиться.

Нет, грызть еще не начал, но неприятно само ощущение, что я, такой вот умный и собранный, могу в чем-то сомневаться... да не просто в чем-то, а в себе, таком понятном и замечательном!

После того как моя нервная сеть приспособилась к новым возможностям, я еще подправил кое-что в генах, на этот раз с предельной осторожностью, я ученый, а не игрок, в науке блефовать нельзя.

Но, получая все большую мощь и возможности, я вроде бы становлюсь все скованнее. Просчитать все в мире невозможно даже с моими возможностями, только подростки знают, как за полчаса стать миллиардером, а за час осчастливить весь мир, но я уже не подросток, хотя и не убеленный сединами старец... тот бы вообще не решился сдвинуться с места, а я пока еще достаточно глуп, чтобы ринуться исправлять мир, но все-таки уже какие-то зачатки разума есть, стараюсь думать сперва, а не потом.

Потому как-то по дороге из Центра Мацанюка домой почти непроизвольно повернул руль и послал автомобиль в ту часть города, где не бывал уже несколько лет: старый университетский городок, там прошло детство, также и студенчество, что у не очень умных считается самым веселым временем сплошных гулянок и развлечений.

Меня встретила Екатерина Васильевна, дочь моего наставника и бессменного руководителя еще со студенческой скамьи, невеселая, глаза на мокром месте, но мне сказала почти бодро:

– Володя... помни, он очень плох.

– Да, – ответил я с неловкостью. От старости пока что нет лекарства, хотя уже вот-вот, почти есть, но еще нет, человек не совсеммышь, клинические испытания только начинаются и продлятся несколько лет, – да, Екатерина Васильевна... Просто я не мог не прийти...

Она провела меня в его комнату, пахнет лекарствами, сам Терентьев, сильно исхудавший, в постели, укрытый по грудь шерстяным одеялом, руки поверх, лицо желтое, как уже у мертвого, но покрасневшие глаза смотрят ясно.

Он узнал меня сразу с порога, да иначе и быть не могло, ученые реже всех остальных, вместе взятых, страдают деменцией, голос прозвучал надтреснуто, но с заметным теплом:

– Володя... рад тебя видеть...

– Матвей Федорович, – сказал я с понятной неловкостью, что я вот молод и здоров, а кто-то нет, – я не мог не примчаться.

– Присядь, – велел он. – Расскажи, что там у вас. Ты смотришься прекрасно, а я слышал, тебя изнуряла нейродистрофия...

– Удалось справиться, – ответил я. – Рискованная операция, но что оставалось?.. Я вытянул счастливый билет. Кстати, хотел с вами посоветоваться...

Он проговорил слабым, но ясным голосом:

– Говори. Ты знаешь, мне всегда можно довериться.

– Операция дала побочный эффект, – сказал я. – Матвей Федорович, мы вторглись в область, которая раньше была только епархией Бога!.. Результат получился просто... я даже не знаю. Кроме того, что жив, это самое главное, могу подключаться к интернету без компьютера просто усилием мысли. Даже усилия не требуется, мозг уже сам, как наркоман, там зависает постоянно, просматривает все новости, сплетни, биржевые котировки. Меня не останавливают файерволы или пароли на сайтах, я без усилий подключаюсь к камерам видеонаблюдения здесь, в Москве, и в любой стране и благодаря этому уже предотвратил несколько крупных терактов.

Он слушал заинтересованно, глаза заблестели, сказал чуть окрепшим голосом:

– Я всегда считал, что человек рассчитан на большее, чем все мы предполагаем... Но тебя что-то тревожит. Что?

Я в неловкости развел руками.

– Читая книги советской эпохи, всегда наталкивался на момент, когда изобретатель или ученый, что-то открыв, тут же спешил в партком, чтоб доложить родной партии и правительству о своей находке.

Он усмехнулся.

– Да-да, помню такое...

– Не должен ли я прийти в полицию и все рассказать? – спросил я. – А они переправят в ФСБ или куда-то повыше?.. Я человек вообще-то законопослушный.

Он кивнул.

– Я тоже. Политики меняются, а ученые всегда во всех странах и при любых режимах улучшали мир. Потому мы не должны заниматься такой ерундой, как политика, за кого-то голосовать или кого-то там поддерживать.

– Но что со мной? – спросил я.

Он тяжело вздохнул, отвел взгляд в сторону.

– Как тебе сказать... Все законы в нашем мире выросли из заповедей, данных Ною, а потом Моисею. Я их все не помню, но там что-то типа «не убий», «не укради» и так далее. Люди то и дело начинали толковать их с уклоном то в одну сторону, то в другую, но в основе все равно оставались эти заповеди. Ты понимаешь, к чему это я?

– Да, – ответил я настороженно, – кажется, понимаю. С этой чехардой наверху, когда то дружим с Западом, то не дружим, то деремся за Арктику, то как бы и не нужна... политика меняется, но база остается неизменной?

– Верно, – сказал он.

– Точно что? – спросил я.

Он попытался приподнять голову, но не смог, лицо стало совсем невеселым, словно увидел мое печальное будущее.

– Верь тому, – произнес он слабо, – на чем основывается политика. Но не очень доверяй самой политике... особенно политикам. Это все изменчиво.

– Я доверяю только науке, – согласился я. – Она никогда не подводит и никогда не врет.

– Только результаты, – произнес он тихо, – частенько интерпретируют...

В комнату заглянула Екатерина Васильевна, я сделал попытку приподняться, но он остановил меня жестом, а ей сказал:

– Дорогая, я чувствую себя... терпимо. Визит моего лучшего ученика взбодрил...

Она исчезла так же неслышно, я расправил было плечи, но они согнулись сами по себе, словно под неведомой тяжестью.

– Значит, никому не признаваться?

Он указал взглядом на кофейный аппарат, я спросил тревожно:

– А вам можно?

Он тихо улыбнулся.

– Володя, мне уже все можно.

Не поднимаясь от постели, я вошел в сеть его квартиры, дистанционно включил кофейный аппарат, оставив те же настройки.

Он чуть приподнял мохнатые брови, прислушался, перевел взгляд на меня.

– Двойной эспрессо?

– Да, – ответил я. – Там еще настройка «средний», но используется реже и нерегулярно, так что явно не для вас.

– Для гостей, – сообщил он. – А Катя кофе не пьет... Да, Володя, у тебя такие возможности... Ты же можешь включить не только кофемолку, но и зажигание в баллистической ракете с ядерной головкой?..

– Могу, – ответил я тихо, – потому ночью просыпаюсь от ужаса, что кто-то другой такое сделает... А такое время на подходе.

Он прошептал с закрытыми глазами:

– Даже не знаю, что посоветовать. Такие силы как бы нехорошо держать под замком... однако как их использовать?

Я сказал невесело:

– На роль таинственного борца с преступностью я не гожусь. Да и противно это. Но... что? Понять, как быстро заработать гору денег, купить дворцы, личные самолеты, яхты, приобрести остров в Тихом океане?

Он улыбнулся уголком рта.

– Это тоже не так уж плохо, как тебе кажется. Можно часть средств, которые идут на дурацкие развлечения, перебросить на финансирование науки.

– Да, – сказал я, – хотя это и будет нарушением... Будет? Нарушением закона будет точно, а нарушит ли это нравственные законы? В смысле, чтоб не так высокопарно, честно это будет или нечестно?

Кофейный аппарат перестал размалывать зерна, треск прекратился, в обе чашки хлынули две почти черные струйки.

Я перенес их к кровати, профессор взял свою достаточно твердо, хотя ниже пояса уже мертв, я то и дело дергался, пытаясь ему как-то помочь, но он держит двумя руками и отхлебывает аккуратно, не проливая ни капли.

Так в молчании пили некоторое время, наконец он протянул мне уже пустую, на блюде рядом с постелью остались две штучки миндального печенья, такого с ним никогда раньше не случилось.

– Не знаю, – ответил он, – не знаю. Мне очень не хотелось бы что-то советовать, но, как твой учитель, могу сказать только... на твои плечи рухнула тяжелая ответственность. Кому много дано, с того много и спросится. Если не воровать деньги... я имею в виду с помощью легальных финансовых операций, то... тогда остается только...

Голос его становился все тише, глаза закрылись. Я сосредоточился, на экране смартфона, который я не стал вытаскивать из кармана, появилось волевое лицо энергичной женщины.

– Здравствуйте, Валерия Викторовна, – сказал я, успев посмотреть о ней все в инете, – примите заказ на криозамораживание. Простите, что сразу к главе корпорации, просто дело неотложное... Да, оплату сразу... Полностью все тело, отдельную капсулу... Нет, он жив, но врачи говорят, пошли не последние дни, а часы.

С экрана прозвучало деловое:

– Давайте адрес, высылаем бригаду.

Глава 5

Небоскребы раньше официально именовались тучерезами. Сейчас вижу, насколько назвали правильно, высокие башни Южного Бутова распарывают низкие тучи быстро и безжалостно, как острые ножи умелых поваров толстую рыбу.

Ингрид позвонила, едва я вышел из дома своего старого учителя. Навстречу уже катит массивный автобус, в котором вся необходимая аппаратура для подготовки к заморозке, как говорят в народе, я успел увидеть в окна зеленые халаты и лица медиков.

Когда я садился в автомобиль, автобус остановился перед подъездом, задние дверцы распахнулись, выпрыгнул жизнерадостный толстяк с надписью на спине рубашки «Роман Любимов, тот самый!» и начал вытаскивать аппаратуру.

– Привет, – сказала Ингрид, – ты что, совсем забросил свой отдел?

– А чего тебя это так интересует? – поинтересовался я. – Рассвет близок, но тьма все еще рулит...

– Ты сейчас едешь по магистрали, – определила она, – в десяти минутах от меня. Давай пересечемся там на углу возле кафешки?

– Тогда уж в самой кафешке, – уточнил я.

– Заметано, – ответила она обрадованно. – Я успею раньше, что тебе заказать?

– Сперва успею, – ответил я.

Моя мышечная реакция значительно уступает скорости мышления и обработки информации, гонщик из меня получился бы не просто первоклассный, а все призы были бы мои, так что я повел автомобиль на той скорости, которую он может выжать из своего двигателя, и хрен с ними, штрафами, за превышение права не отбирают, а смешные финансовые потери меня не разорят.

Я оставил автомобиль на парковочной площадке, вышел и увидел, как на достаточно большой скорости мчится «Вольво» Ингрид.

Увидев меня, она покачала головой, авто оставила у обочины, выскочила сердитая и злая.

– Ты не мог приехать раньше меня!

– Я старался ехать медленнее, – сознался я. – Но как-то вот так...

– Сама прослежу, – пригрозила она, – чтобы штраф тебе впаили по максимуму!.. Жаль, у нас нельзя, как в Аргентине, в зависимости от дохода нарушителя, тогда бы ты поплясал!

Я взял ее под руку.

– Ты злая, потому что голодная? Пойдем перекусим.

Она тряхнула головой, красиво сделав волосы веером, а локоть выдернула из моей не слишком-то и цепкой ладони.

С противоположной стороны к кафе идут трое парней, я моментально ощутил, как по мне вздыбилась шерсть, а внутри проснулся и заворочался питекантроп.

Ненавижу эту манеру, когда несколько дюжих самцов прут посреди улицы, грубо распиная тех, кто не успел отскочить в сторону. Сильные, наглые, уверенные в своей мощи, а еще и в том, что не в одиночку, тогда еще можно нарваться, а вот так группой собьют с ног любого и вытрут о него подошвы.

– Ты чего? – спросила Ингрид.

– Да так, – ответил я медленно.

Она что-то поняла, женщины вообще-то чуткие существа, отошла в сторону, наблюдая за мной искоса. Я нарочито сдвинулся в сторону, чтобы оказаться на пути этих доминантов.

Они заметили меня, даже не переглянулись, как одно трехголовое существо, все понимают и чувствуют одинаково.

Так и надвинулись все трое, средний напрягся, намереваясь сбить в сторону, но в последний момент передумал и грубо цапнул меня за плечо, явно восхотел что-то еще покруче.

Сердце у меня уже не стучит, а колотится. Мои пальцы жестко перехватили его за руку, я дернул, послышался хруст ломаемой кости. Что-то во мне проснулось звериное, я повернул резко, ломая и выворачивая суставы, разрывая связки и сухожилия.

Вожак даже не закричал, горло перехватило, захрипел в агонии, а я отшвырнул его на руки друзей.

– Хорошо получилось? – спросил я.

Один пролепетал:

– Хорошо... Простите, мы уходим... Можно, мы уходим?

Оба отпрыгнули, когда я пошел прямо, Ингрид догнала через пару шагов, голос ее прозвучал как будто из другой галактики:

– Что с тобой?

– Не знаю, – ответил я откровенно. – Что-то накатило... Надо быть спокойнее. Будто забыл, в каком мире живу.

– Ты зверь, – проговорила она, в ее голосе послышался страх. – Ты зверее всех зверей!.. Ты сломал ему руку с наслаждением, я все видела!..

Я вошел в гостеприимно распахнутые двери кафе, зал освещен ярко, ненавижу эти якобы романтические полумраки, за спиной простучали каблуки Ингрид.

– Да, – ответил я, – мне тоже так показалось. Похоже, то ли еще не гуманист, то ли уже не гуманист. Как думаешь?

– И, – договорила она тем же потрясенным голосом, – как молниеносно!.. И просто, будто соломинку...

Я присмотрел свободный столик, здесь готовят и принимают, как добрых друзей, скромно и ненавязчиво, Ингрид села рядом и покосилась с недоверием, будто и ее то ли стукну, то ли укушу.

– Что-то нашло, – повторил я. – Какое-то первобытное бешенство. Силы в это время почти удесятерятся. Наверное, ты так подействовала?

– Я так тебя разозлила?

– Ты меня всегда злишь, – ответил я. – У тебя такие сиськи, а ведешь себя так, будто их у тебя нет вовсе!.. За это убить мало.

– Как я всех вас ненавижу, – прошипела она. – Доктор наук, профессор!.. А на самом деле просто самец, дикий и примитивный!

К нашему столику заспешила официантка, Ингрид умолкла, а я быстро продиктовал заказ и повернулся к боевому сотоварищу.

– Да, что-то есть такое-эдакое... Вот войдем в сингулярность...

Она почти выкрикнула шепотом:

– Как же ты достал своей сингулярностью! Да не будет никакой сингулярности!.. Ты посмотри по сторонам!.. Не видишь, что творится? Какая на хрен впереди сингулярность?

Я покачал головой.

– Сингулярность неизбежна. Ее творит сама вселенная, постоянно развиваясь от простейших частиц, дальше звезды, галактики, усложнение структуры пространства, и наконец сингулярность, что тоже не конец, для вселенной это только начало разбега... Но для нас, плесени на поверхности планеты, это конец.

– От плесени слышу, – отрезала она.

– А-а, врубилась!

– Зануда, – сказала она. – Не понимаю тебя. То вроде бы напыщенный доктор наук, сплошная одухотворенная святость, то вот это... Да что с тобой?

Я зябко передернул плечами.

– Ощущение большой беды. Как будто из глубин галактики надвигается нечто исполинское и очень опасное. Вселенная тоже может болеть, не знала?..

– То вселенная, – возразила она, – а то мы. Может быть, она и человечество создала для защиты от болезней и всего-всего?

– Вроде иммунной системы?

– Ну да, ты же медик, формулируешь точнее.

– Мы еще слишком слабая защита, – ответил я. – Честно говоря, вообще никакая. Но лет через сто защитим галактику, а через двести и вселенную...

Официантка, продолжая улыбаться, будто слышит наш разговор, принесла на подносе несколько тарелочек с фирменными блюдами. Я втянул запах и ощутил, что да, спасем не только вселенную, но и весь гигамир, где вселенных больше, чем песчинок на всех пляжах мира.

– Догадываешься, – спросила Ингрид, – зачем я тебя перехватила?

– Влюбилась, – предположил я.

– Да я скорее в крокодила влюблюсь!

– Ну и вкусы у современной молодежи, – сказал я с укором. – Совсем с этой политкорректностью сдвинулись. Так чего, колись. А то я в женском методе мышления не совсем, у нас Гуцулов спец по простейшим, могу познакомить...

– О тебе идут дебаты, – шепнула она. – В Генеральном штабе, а потом перекинулось даже в Министерство обороны. Сразу скажу, почти все за то, чтобы твоему отделу дать полномочий еще больше. Но...

– ...но командовать им самим, – вставил я. – Так?

Она аккуратно резала бифштекс, придерживая кусок мяса вилкой, на меня не смотрела, но по тому, как напряглось ее лицо, заметно, мое замечание задело за живое.

– А ты как хотел? – отрезала она.

– Сама знаешь.

– Так не получится, – определила она.

– А как хотят они, – ответил я, – не подходит мне.

– Жизнь, – сказала она, – это компромисс. Не помню, кто сказал. Получится где-то посредине. От чего-то придется отказаться им, от чего-то тебе... Ты ешь, мясо стынет быстро.

– Потому что я ем, – ответил я, – а ты глотаешь, как утка. В Генеральном штабе, где все еще изучают тактику применения боевых слонов, с которыми Ганнибал нанес поражение Риму, до сих пор не поняли, что мир меняется настолько стремительно, что даже танковые заводы пора закрывать за ненадобностью! Потому, Ингрид, уж извини, но из-за таких компромиссов вся планета вот-вот накроется медным тазом.

Она взялась за чашку с горячим кофе обеими руками, на меня взглянула поверх края испытующе и недоверчиво.

– И уступать не намерен?

– Ни на дюйм, – отрезал я. – Как нельзя быть немножко беременной, так и нельзя допускать... ну как тебе на пальцах для доступности... В общем, выпустить из лаборатории миллиард смертельных вирусов или только одного, разницы нет, понимаешь?.. Через десять минут из одного вируса получится тот же миллиард. И они будут множиться, пока будут находить корм.

Она медленно и чисто механически прожевала отрезанный кусочек, на меня не смотрит, плохой признак.

Я ел молча, она сказала наконец задумчиво:

– Беда еще в том, что ты не силовик, у тебя даже склад мышления другой...

– Ну-ну?

– Насколько я знаю, – продолжила она тем же прокурорским тоном, – высокий интеллект вовсе не означает присутствие высоких моральных принципов. Скорее, наоборот, не так ли?

Я подумал, кивнул.

– Бесспорно. Чтобы совершать открытия, мозг должен быть свободен от догм.

– Вообще?

Я продолжал тем же профессорским голосом, сам осознавая, что для простого человека, а силовики не могут быть не простыми, звучит занудно:

– От любых вообще. Моральных, этических, социальных, кастовых, корпоративных...

Потому писатели, к примеру, пьют больше и чаще слесарей, курят и развратничают... хотя теперь не существует даже такого слова, однако потребность в диком и разнузданном разврате заменили разнообразием в наркоте, поисками в сексе, опасными играми, извращениями...

– Вот-вот, – прервала она, – только на писателей не кивай. Ишь, удобная мишень. Ученые такие же, только не так на виду. У вас тоже мозги... без моральных принципов.

Я сказал мирно:

– Договаривай. Судя по пупырышкам на твоих руках, ты увидела меня в каком-то из сексуальных маньяков?

– А у тебя есть другие объяснения? – отпарировала она. – Ты же совершенно не признаешь над собой контроля. А без этого просто не может быть общества.

– Контроль над наукой? – спросил я. – Понимаешь, коня можно привести к водопою силой, но заставить пить не получится... Так и с наукой. По приказу не делают открытий. Либо буду свободно работать на родную страну... пусть даже в ГРУ, я же признаю острую необходимость в такой организации контроля на данном этапе развития общества... во как задвинул!.. либо буду так же свободно, как и хочу, работать в научно-исследовательском Центре Мацанюка.

Она покачала головой.

– Никто не будет ради тебя ломать систему. Будь реалистом.

– Ты так полагаешь? – спросил я. – Системы ломали, начиная с первобытно-общинного. Систем было столько, что можно перечислять до утра, а ты вообще-то даже не о системе, а крохотном ее пятнышке. И хочешь, чтобы все оставалось неизменным, несмотря на резкие перемены в обществе!.. Нет уж, если я вижу, что впереди, и это мне нравится... надеюсь, продолжать не надо?

Она помолчала, глядя крупными глазищами, как я расправляюсь с бифштексом.

– Ты слишком... независим, – произнесла она уже тише и не таким агрессивным голосом. – Нельзя жить в обществе и быть от него независимым. Потому у меня...

– Недоверие?

Она покачала головой.

– Хочу, чтобы недоверия не было у других.

– Пусть другие о своих делах и заботятся, – предложил я. – Ингрид, я вижу твою настороженность и твое, давай уж по-честному, недоверие. Если что не так, скажи. Я все отвечу. Только, предупреждаю, недоверие... эта штука обоюдная. Если буду чувствовать его к тебе, могу просто воздержаться от работы с тобой. Прости за откровенность.

Она запнулась, во взгляде вспыхнуло чуть ли не бешенство, но не разгорелось, а осталось вот такое, жестко контролируемое. Никто не станет работать с напарником, которому не доверяет или который не доверяет ему, так что мой ответ предельно ясен. Ничего личного, таков кодекс как моральный, так и уставно-служебный.

– Ты груб, – проговорила она, сдерживая в себе нечто недоброе, – никто со мной так не говорил!

– Правда? – спросил я. – А у тебя были напарники?.. И сколько держались?.. День-два?.. Ладно, Ингрид, мне пора идти... и работать, а не. Захочешь извиниться, могу выслушать. Но извинения должны быть не ля-ля для формы.

Я оставил деньги на столе и покинул кафе, выказывая всем видом, что глубоко возмущен, хотя на самом деле, если честно, никакого возмущения. Мысли и эмоции Ингрид как на ладони, все типично, но все равно такое спускать нельзя, если хочет работать со мной. У нее сильный характер, всех нагибает и заставляет работать под собой, и хотя я не против работать под начальством женщины, какая вообще-то разница, но я против того, чтобы работать под нажимом менее развитого интеллекта.

Конечно, это я в самом деле задвинул, никто Ингрид надо мной не ставит, это я в принципе, почему бы не работать под началом, скажем, Марии Склодовской-Кюри, будь она такая, как на портретах и в официальной биографии, но мы, ученый люд, знаем, что все ее открытия сделаны в содружестве с мужем, гениальным химиком Пьером Кюри и Анри Беккерелем, а после смерти мужа работала с великим химиком Андре Дебьерном, и ни одного дня самостоятельно, однако Нобелевскую премию надо было дать женщине для поощрения равноправия, сейчас бы дали негру, если бы нашли хоть одного среди работающих в такой области.

Я цыкнул на мозг, слишком далеко увел в сторону и пытается вообще погрузить в дебри мелких житейских дел, как падкую на сплетни старую бабку.

Ингрид наверняка знает больше, чем говорит. Можно прошерстить тщательно всех, кто с нею разговаривал недавно, наверняка убеждали надавить на меня, обещали повышения, льготы, полезные знакомства и связи, но главное, чем можно было заставить говорить со мной в таком тоне, это объясняли, что меня сломают, работу Генерального штаба меняет время, а не самоуверенные одиночки.

Глава 6

Автопилот вывел автомобиль с запруженной стоянки и наблюдал за выходом из кафе, а когда увидел как я вышел и спускаюсь по ступенькам, быстро подогнал так ловко, что я с последней ступил прямо в салон.

– Домой, – велел я, – хотя ты здесь тупишь, дай-ка поведу сам, демонстрируя временное и быстро истончающееся превосходство человека над созданным им миром.

Автопилот не столько тупит, как осторожничают на узких дорогах. Две трети машин пока еще по старинке не имеют автопилотов, а люди во всю демонстрируют отсутствие логики.

А так как я пока еще тоже человек, то их понимаю, потому лучше в таких местах руль будет в руках царя природы и пока что подвластных ему технологий.

Мозг шарит по новостным сайтам, в Индии и по Ближнему Востоку снова теракты, норвеги опять увидели российскую подлодку, что оказалась не подлодкой, а косяком рыбы, в Индонезии женщина родила восьмерню, в Киркуке идут бои с применением тяжелой артиллерии и танков, а в Мексике рухнул авиалайнер с двумястами пассажиров. Правда, в Индии днем раньше загорелся в воздухе и развалился примерно такой же лайнер, погибло двести сорок человек, но шума меньше, там же индийцы, их и так много, а в самолете над Мексикой было восемь американцев...

На этом фоне эпидемия в ЮАР как-то отступила на задний план, в большинстве новостных сайтов вообще исчезла с первых полос, хотя, как я видел по остальным сообщениям, не угасла сама по себе, а продолжает шириться, хотя из-за слабых признаков заболевания никого особенно не тревожит.

Я на всякий случай просмотрел еще раз все, что могло пролить свет на таинственное в некотором роде заболевание, если это заболевание, а не симптом чего-то уже давно известного. В самом деле новое, никогда ничего подобного нигде в мире не отмечалось. Разве что в те дикие времена, когда медицина пребывала в зачаточном состоянии.

Автомобиль оснащен боковыми экранами, а еще лобовое стекло может превращаться в огромный дисплей, хоть полупрозрачный, хоть сплошной, но я никогда не разыгрывал из себя лихача, лобовой включаю только на стоянке или когда автопилот ведет автомобиль по абсолютно ровной и незапруженной дороге, а сейчас вообще практически без усилий, только возжелал, сразу вошел в сеть нашего Центра по предотвращению и посмотрел, что как видят и как показывают видеокамеры.

Мозг уже легко и радостно справляется с лавиной видеоинформации, любит работу, сразу выдал все картинки в максимальном разрешении, я понаблюдал, внезапно возник на главном и заявил страшным голосом:

– Ага, попались!.. Отлыниваете от заслуженного отдыха?.. Почему все работают, почему никто не играет в Эверквест-Некст?.. Что-то замыслили?.. Где водка, шашлыки и прочие радости общечеловека и демократа-правозащитника?

Все сперва вздрогнули, Гаврош, как самый шустрый, нашелся быстрее других:

– А в самом деле Данко подбивал нас на противоправную акцию...

– Какую? – потребовал я.

Данко опустил голову и развел руками, а Ивар сказал злорадно:

– Предложил в выходные закончить одну интересную разработку по выявлению слабых флуктуаций нестабильности на Аравийском полуострове.

Я спросил с подозрением:

– И это все?

Оксана пискнула из своего уголка:

– Вообще-то не все.

– Что еще готовите?

Ивар сказал тем же гнусным голосом ябедника:

– Он сказал, что сам все равно выйдет на работу. Ему здесь интереснее, чем дома.

– Что? – переспросил я с недоверием. – Даже если Оксана не придет?

– А вот это я не уточнил, – признался Ивар. – Мой прокол, шеф! Теперь премия тью-тью?

– Еще есть шанс исправиться, – сказал я строго. – Займись той странной эпидемией, что в ЮАР. Да, все дела отложи...

Все видеокамеры в главном зале показали, как Данко развернулся к ближайшему экрану.

– О, шеф!.. Вы заметили, что мы как раз о ней говорим?.. Вас что-то в ней тревожит?

– Не знаю, – признался я. – Что-то смутное. Как представитель ученого сословия не люблю смутности. Ее обожают только политики и гуманитарии, а мы все-таки люди будущего.

– Мир не состоит из ученых, – сказал он философски. – А жаль, правда?

– Вот-вот, – подтвердил я. – В правильном мире все должно быть либо результатом наших усилий, либо на худой конец давно изученными явлениями природы и ее окрестностей.

Он кивнул, а осмелевший Гаврош задиристо пронывкнул из своего угла:

– Ну да, что за жизнь без неожиданностей? А как же романтика?

Я указал взглядом на помалкивающую, но внимательно прислушивающуюся Оксану.

– Вон тебе романтика. И неожиданности.

Оксана сказала недовольно:

– Я человек предсказуемый. Как любят депутаты.

Ивар сказал со свойственной ему стеснительностью:

– Мир ускоряется, того и гляди чума какая-нить обрушится, стоит ли за мухой цеце гоняться?..

– После мухи цеце чуточку другие симптомы, – напомнил я. – Да и не столь массово... Проследите на всякий случай. Это не катастрофа, конечно, но вдруг вроде легкого ветерка, что предвещает грозу?

Они посерьезнели, старый ворон зря не каркнет, а я у них самый старый, хоть и одногодок с Данко и даже моложе на год Ивара.

Они дисциплинированно повернулись к аппаратуре, а я отключил связь. За это время автопилот, изучив маршрут, ревниво пытался не дать мне снова взяться за руль.

Я спорить не стал, пусть ребенок нарабатывает опыт. У автомобилей с компьютерным управлением хорошо все, кроме скорости. На загруженных перекрестках осторожничают, сбавляют ход, и только на междугородних магистралях прут на предельной, справляясь с автомобилем лучше нас, но в городе пасуют, не в состоянии просчитать действия тысяч дебилов, что прут и на желтый, и на красный, переходят улицу где вздумается, а ребенок за любимой собачкой может броситься прямо под колеса.

Уже когда подъезжал к своему поселку, неожиданно пришел вызов от Синтии. Я не успел поколебаться, отвечать или не отвечать, иначе бы не ответил, но рука сама торопливо сделала нужный жест, и лицо Синтии появилось на экране во всем блеске красоты и целесообразности генетического отбора, где нет места для работы даже самого лучшего в мире пластического хирурга.

– Володя, – сказала она нежным голосом и улыбнулась так тепло, как умеет только она, – прекрасно выглядишь, загорел... Наверное, еще и остров в теплом море купил?..

– Спасибо, – ответил я. – Нет, вместо острова купил мышек. На ту же сумму.

Она улыбнулась еще шире.

– Ты очарователен... Хочу с тобой посоветоваться, Володя. Мне прислали приглашение на конкурс «Мисс Россия»... Как думаешь, принять или отклонить?

– Ты выиграешь с большим отрывом, – заверил я. – А какие сомнения?

Она сказала как бы в интеллектуальной задумчивости:

– Да я уже выигрывала дважды... Может быть, как-то неприлично в третий раз?

Но посмотрится польщенной и, конечно же, ожидает вполне определенный ответ.

– Синтия, – напомнил я, – что такое прилично или неприлично в наше время? Выигрывай столько раз, сколько получится. Человека оценивают по занимаемому месту в стае. Вне зависимости от того, как он его заполучил.

– А как ты? – поинтересовалась она.

– Все так же, – ответил я. – С мышками. В лаборатории. Теперь она у меня еще и дома.

И полна мышек.

Она с едва заметным усилием заставила себя улыбнуться.

– Как мило... Что ж, простые обыватели на покое выращивают розы, император Диоклетиан выращивал капусту, а у тебя хобби еще круче – мышки...

– Это работа, – напомнил я.

– Хобби и работа, – уточнила она. – Ты счастливый человек, у тебя все совпало. А чем еще занимаешься, если не считать работу в Центре биотехнологий?

– Кино смотрю, – ответил я. – Даже сериалы. Правда-правда!.. Но вообще-то мне и мышек хватает с головой.

– Да? – проговорила она задумчиво и как будто с каким-то подтекстом. – Вообще-то да, ты такой, тебе, кроме мышек, ничего не нужно... но все же иногда кажется, что ты можешь и намного больше.

Я широко улыбнулся.

– Спасибо, Синтия. Я польщен. Но я в самом деле счастлив в своем уютном мирке с моими мышками.

Она улыбнулась одними глазами, у нее и это получается восхитительно.

– Даже и не верится.

– Ты же знаешь, – сказал я.

Она покачала головой.

– Почему-то кажется, не только способен, но и готов... Да, на большее... Ладно, спасибо за совет!.. Увидимся.

Экран погас, я хотел было сразу вернуться к своим делам, но в мозгу засели эти слова, которые повторила дважды. Сам знаю, что способен на большее и что даже готов, но почему это сказала она? Человек она достаточно расчетливый и умный, если бы не модельная внешность, могла бы стать хорошим химиком или нейрофизиологом.

И если сказала что-то нехарактерное для разговора в данный момент и в данном случае, то сказала с какой-то целью...

В доме, понятно, я сперва заглянул к мышкам и проверил, как подается им корм, нужной ли температуры вода, и вообще как себя чувствуют после очередной смены режима, и только потом прошел к себе на кухню.

Бондаренко связался со мной, когда я расположился за столом и, потягивая крепкий кофе, просматривал научные статьи в специализированных журналах по медицине вообще и с особенным интересом по нейрофизиологии.

Я посмотрел на его жизнерадостное лицо, подумал почему-то про Ингрид и угадал: он сказал с ходу:

– Владимир Алексеевич!.. Ингрид не находит себе места. Говорит, погорячилась, обидела вас. Даже не представляю, чем она могла, такая лапочка, что стреляет без промаха, но факт есть факт.

Я сказал подчеркнуто равнодушно:

– Да ничего серьезного. Забудет.

– Правда?

– У вас много интересных дел, – сказал я. – Уже завтра и не вспомнит.

Он посмотрел очень внимательно.

– Хотите сказать, у нас своя команда, у вас своя?

Я кивнул.

– А разве не так?.. У нас отдел со своей спецификой. И если нам понадобится где-то участвовать лично, что маловероятно, то и люди для операций у нас свои. Или пусть не свои, но мы сами будем выбирать, кому что делать, нам просто виднее.

Он сказал со вздохом.

– Владимир Алексеевич, не обижайтесь на нее. Она извиняется, если где в чем-то перегнула.

Я поморщился.

– Ростислав Васильевич, уж простите, но я извинений не увидел. И не услышал.

– Но я же...

Он запнулся, глядя на мою презрительную ухмылку.

– Извинений не было, – напомнил я. – Мало ли что вы сказали в телефонном разговоре. Или сейчас с экрана. Может быть, это вы и придумали! Извинения должны быть адекватны оскорблению. Я не говорю, что Ингрид нанесла мне тяжкое оскорбление, нет... Но если человек наносит оскорбление в печати, то в печати и должен опровергнуть! Если прилюдно и вслух оскорбил, то извиняться надлежит тоже в присутствии достаточного количества народа. В нашем случае ничего такого не было, к счастью, но если Ингрид задела меня в личном разговоре, то в личном и должна извиниться.

Он подумал, криво улыбнулся.

– Вообще-то в обществе градус оскорблений только растет, а культура извинений давно потеряна. Меня как-то один лаил на всех форумах, а потом через год извинился в личке... Теперь понимаю, почему я тогда чисто инстинктивно послал на хрен.

– Вот-вот, – подтвердил я. – Он должен был извиниться на тех же форумах. Дурак думает, что так унизит себя, потеряет лицо, но все совсем наоборот. Человек, который извиняется и признает ошибки, тем самым показывает, что теперь лучше, чем был тогда. А то мурло, что уже поняло свою засратость, но не извиняется, тем самым всем сообщает, что как было говном, так им и осталось.

Он покачал головой.

– Хорошо, попробую поговорить с Ингрид.

– Вряд ли это надо, – сказал я серьезно. – Такое должна понять сама.

Он посмотрел на меня с интересом.

– Вы считаете ее такой умной?

– Умной? – переспросил я. – А зачем нам в отделе, где умный на умном едет и умным погоняет, еще и вот такие умные силовики со стороны? В слова «умные силовики» я ничего не вкладывал, вы сами, вижу по глазам, что-то вложили очень... интересное.

Он заулыбался, понял, сказал уже потеплевшим голосом:

– Ладно-ладно. Она должна понять не умом, ясно. Такое понимают не умом. Но она упрямая.

– Ну и хрен с нею, – сказал я. – Или полагаете, не смогу поправить генетический код в митохондрии нематоды без ее помощи?

– А в другой... работе?

Я сказал веско:

– Да один Гаврош знает и умеет в десять раз больше, чем Ингрид!.. Я имею в виду современные системы поиска. Не обижайтесь, но одна простенькая программа уже сейчас делает больше, чем сто тысяч шерлокохолмсов. А что касается наших работ, то из всей пры-

гающе-стреляющей братии ГРУ вряд ли найдется хоть один, которого мы взяли бы даже пол подметать.

– Жестко, – сказал он с уважением. – Хотя я вот тоже не понимаю, по каким алгоритмам вы отыскиваете точки угроз человечеству, которые необходимо обезвредить... Но хорошо, я все понял. Так и передам!

Он прервал связь раньше, чем я успел сказать, что ничего передавать не надо. Это сказано для него, а не Ингрид. С Ингрид у нас несколько иные отношения.

Глава 7

На другой день я едва вышел из лаборатории Геращенко, немало впечатленный его интуитивным подходом к новым методам, как раздался звонок с пульта охраны небоскреба.

– Владимир Алексеевич? У нас тут посетитель к вам.

– Кто?

– Журналист Ингрид Волкова.

– Ого, – сказал я с интересом. – Из какой газеты?

– Говорит, вроде бы независимый журналист, – ответил охранник. – Пишет для разных изданий. Так бывает?

– Сейчас все бывает, – сообщил я.

– Пропустить?

– Сообщи, – сказал я, – что доктор Лавронов покинул рабочее место десять минут тому. Заедет еще в какие-то места, а потом домой.

– Будет сделано, – ответил дежурящий с мужским пониманием в голосе.

Я в самом деле практически покинул институт и занимаюсь мышками дома, хотя в реальности нахожусь пока еще в небоскребе Центра Мацанюка. Просто сейчас на многих работах вовсе не обязательно присутствовать лично, удаленное присутствие позволяет делать гору работы быстрее и лучше, так что из института кормлю мышек дома в коттедже, а оттуда работаю удаленно в институте.

Но, конечно, примитивное обезьянство велит мне после работы вернуться в свою пещеру, и хотя я весь из себя светлый ум и все такое, но иногда поддаюсь темному зову предков и возвращаюсь в этот элитный дом, в котором для меня только и есть хорошего, что оборудованная по последнему слову хай-тека лаборатория.

Через минуту снова звонок, дежурный проговорил смущенно:

– Эта журналистка... увы, знает, что вы еще не покинули рабочее место.

– Эх, – сказал я, – пронирующие эти журналюги...

– Пустить?

– А что остается, – ответил я, – иначе растрелят, что мы здесь педофилией занимаемся. Потребуется выслать в Европу, там все сейчас камингаутничают наперебой насчет гейства, педофилии, некромании и копрофагии...

Он сказал с облегчением в голове:

– Пропускаю! А то слишком уж настырная.

Ингрид вошла быстрая, даже стремительная, дико повела синими, как небо Арабских Эмиратов, глазами по сторонам.

– А-а-а, вот где ты прячешься!

– Хорошее место, – сказал я сдержанно. – Я таким представляю себе рай.

– И без гурий?

– Гурии в мире попроще, – пояснил я. – Который попримитивнее. Намного. Порядков так на сто... Ингрид, если тебя прислали как-то воздействовать, то это смешно. И не солидно. Ты не царица Клеопатра, а я не Антоний, что за царские сиськи предал страну, отечество и будущее Римской империи.

Она сказала обидчиво:

– Не глупи! А еще умный. Разве я не могла заехать к тебе просто так?

– Не могла, – ответил я честно.

– Почему?

– Во-первых, – сказал я и загнул палец, – знаешь, что скажу то, что уже сказал. Во-вторых, тебе в самом деле посоветовали воздействовать на меня, а ты им сказала, что я упрям, как осел,

и презренную науку не променяю на блестящие лычки фельдфебеля. Но ты все-таки приняла их настойчивое предложение поехать, так как это старое мудачье еще верит, что вязка между мужчиной и женщиной до сих пор что-то значит в этом мире.

Он поморщилась.

– Так не думают даже они.

– А самое главное, – закончил я, – потому что тебе поручили сообщить о некоторых подвижках в Управлении Генштаба.

На этот раз она в неподдельном изумлении распахнула глаза, и без того огромные, а сейчас так и вовсе.

– Откуда знаешь? Это было принято в секрете!

– Логика ученого, – ответил я скромно. – Создание нового подразделения не могло остаться незамеченным. А когда оно вдруг прекращает работу и там начинаются какие-то перемены, это не могло не привлечь внимания тех, кто стоит повыше того Скалозада.

– Скалозуба, – поправила она. – Что ж, ты угадал.

– Не угадал, – поправил я ее в свою очередь. – Для умного человека это оскорбление. Ученые не угадывают, они получают запланированный результат, это называется успехом. Заслуженным успехом. В то время как удача заслуженной не может быть по определению...

– Какой ты занудный, – сказала она, морщась. – Может, сходим попьем кофе?

Я покачал головой.

– Не могу. Мышки. Можешь вон тех покормить, им уже пока кушать.

– У тебя все по расписанию?

– Да, – ответил я, посмотрел на нее и уточнил: – Почти.

– А почему не всегда?

– А ты как думаешь?

Она сдвинула плечами.

– Мешают. Тебе всегда мешают.

– Почти всегда, – согласился я. – Хуже того, всегда уверены, что помогают! Никогда таким, как я, такой замечательный, не социализироваться в их сраном обществе мудаков и дебилов.

– Ты груб, – сказала она с достоинством. – А эту морковку они едят? Можно им дать?

Я смотрел, как она опасливо начала кормить мышек, они сразу сбежались к ее руке, Ингрид исхитрялась даже поглаживать их по спинкам, но вдруг вскрикнула:

– Ой, она меня грызнула за палец!

– Какая? – спросил я. – Ах эта... Ну все, теперь мутантный вирус в твоем теле. Интересно, во что превратишься.

Она отпрыгнула от клетки.

– Ты что?

Я печально развел руками.

– В науке такое случается. Но еще можно спастись... Нужно побыстрее отрезать поврежденный палец.

Она вскрикнула:

– Ты что?.. Я им жму на спусковую скобу!

– Если промедлить больше пяти минут, – сказал я, – придется отрезать кисть. Вирус по крови распространяется быстро. Быстрее, чем змеиный яд. Через полчаса придется отрезать по локоть.... А через час уже по плечо. Ну, если не отрезать, то с интересом посмотрим, что мутация сделает с тобой... Наука требует жертв больше, чем какое-то гребаное искусство, продукт уходящих времен.

– Ну ты и свинья, – сказала она с сердцем.

– Так режем? – спросил я кровожадно и поискал взглядом тесак побольше. – Спасая самое ценное для демократа... Покажи палец!

Она спрятала руки за спину.

– Не покажу.

– Ага, – сказал я. – Никто тебя не кусал!.. Да и как Машка могла укунить даже тебя, хотя и нужно бы?.. Это же добрейшее на свете существо!.. Не то что ты! Была бы ты такой Машкой...

– Ладно, – сказала она, – я пойду. Новости тебе сказала.

Я сдвинул плечами.

– А что мне от того?

– Подвижки, – пояснила она, – означают, что будут приняты какие-то решения. Какие, еще неизвестно. Знаю только, что твоя концепция насчет предотвращения глобальных катастроф заинтересовала лиц на самом вершине. Президент в курсе.

– Извини, – ответил я в подчеркнутом нетерпении, – но я не могу пойти с тобой пить кофе. Работы много.

Она поняла, кивнула и отступила к двери.

– Увидимся.

– Я-то не прочь, – пробормотал я. – Еще как не прочь. Но человек предполагает, а Бог располагает...

Дверь на нею закрылась, я некоторое время тупо смотрел вслед. Хреновое ощущение, как ни называй ее капитаном, но мое тело помнит жар ее тела, ничего не могу с собой поделать, я не только двуногое с прекрасно развитым головным мозгом, но и примитивный самец с его мощными природными позывами, а в самца намертво впечатан один из самых мощных наказов: беречь и защищать самку, а то как бы вообще зря живешь.

С другой стороны, если по уму, в Управлении сейчас идут брожения, перестановки. Всегда нужен серьезный толчок или скандал, чтобы начались изменения, применительно к быстро меняющейся реальности.

И хотя я уже все просчитал и примерно понимаю, чем все закончится, но здесь, в корпорации Мацанюка, в самом деле жизнь намного интереснее. Здесь будущее, ростки постчеловечества, а в том мире, где совсем недавно стрелял и кувырчался, – грубое и дикое прошлое. Нет уж, там должны действовать люди попроще.

Хотя, с другой стороны, сейчас будущее слишком хрупкое, а эти простые все переломают, если над ними не поставить умного. Жизнь амбивалентна, хотя при чем здесь жизнь, мы сами амбивалентны уже потому, что всажены в тела диких животных с их примитивными чувствами и стремлениями...

Раздался звонок, я так углубился в не свойственные мне размышлизмы и мерехлюндии, что лишь через четверть секунды опознал сигнал вызова от Катеньки.

Ее бесконечно милое личико показалось опечаленным, хотя светло и чисто улыбнулась мне и сказала тихо:

– Привет...

Я окинул взглядом панораму за ее спиной.

– Это Тульсипур в Непале?

– Угадал, – сказала она крохотным голоском, – а я думала, в такую глушь закарабкалась, что никто и никогда...

– Там в самом деле глушь, – заверил я. – Даже чересчур. Зачем ты забралась так далеко?

Она пропищала:

– Не знаю... Что-то как-то стало совсем страшно жить. Не знаю, я потерялась в большом городе! Может, думаю, не зря буддисты перебираются в пустыни?

– Они не совсем в пустынях, – уточнил я, – хотя раньше пустынями называлось все, где нет людей. В России были люди, что уходили в леса, их называли пустынноиками.

– Я тоже пустынный?

– Да, моя пустынная, – подтвердил я. – Вообще-то от людей можно уйти и в большом городе, но это очень трудно. А как твоя туристическая группа? Ты же всегда была в группах?

Она сказала печально:

– Пошли высоко в гору смотреть на развалины какого-то древнего храма.

– А ты?

– Не пошла, – ответила она.

– Почему?

– Не знаю, – сказала она потерянными голосом. – Как будто спросила сама себя, а зачем это мне? Потому что все идут?.. И не пошла.

Я сказал с неловкостью:

– Взрослеешь. А я думал, останешься на всю жизнь очаровательным ребенком. Даже и не знаю, хорошо ли такое взросление... В мире взрослых не всегда все... гм... радостно.

– Ты меня защитишь, – заявила она с той женской уверенностью, перед которой мужская, что пар перед слитком из высокопрочной стали. – Ты почему-то такой надежный!.. Ниоткуда меня не спасал, но я знаю, спасешь, если куда-то попаду!

– Или апокалипсис начнется, – ответил я шутливо.

Она вздохнула.

– Вот поговорила с тобой и сразу стало легче. Как ты это делаешь?.. Ой, наши возвращаются. Пока, целую!

Экран потемнел, я тяжело вздохнул. Вроде бы я весь из себя чистый и светлый мозг, да еще могучий, но почему-то самки так сильно меняют нам настроение, а оно, в свою очередь, сказывается на результатах работ, меняющих мир.

– Авто к подъезду, – велел я. – Буду через две минуты.

Смартфон довольно пискнул, обожает, когда часто отдаю распоряжения. Так и обучается моим привычкам и запросам быстрее, и трафик расходуется, что так важно для провайдеров.

Нужно только фильтр поставить посложнее, чтобы как-то отсеивал звонки, а то я совсем продукт эпохи: мне звонят, отвечаю, сам звоню, опять принимаю звонки.

Глава 8

Еще два дня руководил отделом, не покидая своего уютного домика, а также работал и в лаборатории, откуда с высоты открывается прекрасный, как говорят, вид на окрестности и на победно вздымающиеся небоскребы Москвы на окраине города.

Наконец раздался ожидаемый вызов, я отсчитал несколько секунд и сказал уже подготовленным голосом:

– Связь... А, это ты Ингрид. Хорошо выглядишь.

– Спасибо, – ответила она. – Я у ворот твоего поселка.

– Хочешь заехать? – спросил я. – У меня, правда, не убрано... но ладно, раз уж ты рядом... да и вообще почти свой человек, хоть и женщина... вроде бы... судя по вторичным признакам...

Она фыркнула, на лице явное неудовольствие, другой бы дал постоянный допуск, а вот так приходится каждый раз запрашивать разрешение на въезд в поселок. Словно опасаясь, что застанет в постели с другой женщиной, чего боялись в древние времена не то царизма, не то сталинизма.

И все же, войдя в дом, она критически огляделась еще с порога.

– Что-то женским присутствием и не пахнет.

– А должно?

– А ты разве не самец?

– У меня мышками пахнет, – заявил я. – Здорово, правда?... Нет, здесь не слышно, пойдем в их жилище.

– Нет уж, – отрезала она. – Но ты смотри, увлекаться мастурбацией не так уж и полезно, как уверяют психологи. Или хотя бы руки меняй, чтобы бицепсы на обеих руках накачивались равномерно.

– Я вообще-то ничем не увлекаюсь, – напомнил я. – Такой вот скучный человек в футляре и сублимарист. Ты, конечно, хочешь есть...

– Хочу, – согласилась она. – А говоришь, не знаешь женщин!

– Не знаю, – ответил я. – Просто вы все всегда есть хотите. Топай сразу на кухню.

– Это вы всегда хотите накормить, – пояснила она. – А мы идем навстречу. Едим и толстеем. Потом стараемся похудеть... Но вы все равно при каждой встрече стараетесь подсунуть к мордочке блюдце с молочком, чтобы умиляться, смотрите, ест, ест!

– Тогда ничего не дам, – ответил я. – Хотя что это я?... Сразу в постель?... Нет, я какой-то старомодный местами. Тогда хотя бы поговорить, раз есть не хочешь.

– Не хочу, – согласилась она, – но не отказываюсь. Только будь понастойчивее.

– Бить надо?

– Обойдешься без такого счастья. Все равно тебе в какой-то небольшой мере плюсики, тоже маленький: выпить не предлагаешь. А то этот ритуал никак не искоренить среди дураков и зажатеньких.

Я потащился за нею на кухню, она там по-хозяйски прошлась вдоль длинного стола с аппаратурой, начиная от кофейного и тостера, до замыкающих ряд непонятно зачем придуманных овощерезок, мясололок и всяких болталок-взбивалок, которыми никогда не пользовался.

Понятно, что между нами пробежала черная кошка, но мы оба старательно делаем вид, что ничего не пробежало, даже черной мыши, хотя, конечно, я больше разыгрываю обиду, чем обижен на самом деле, но ей пока знать о таком рано.

– Рай, – сказала она со вздохом.

– Да ну? – переспросил я. – Тебе в самом деле нравится?

– Еще как, – ответила она. – Это не значит, что стала бы заниматься, но что-то в каждой женщине есть такое... иногда на кухню тянет очень сильно. И хочется готовить...

– Но потом эта дурь проходит?

– И достаточно быстро, – согласилась она. – Хотя иногда и не совсем быстро... Ну что задумался? Корми женщину!

– Блин, – сказал я с огорчением. – И ты, оказывается, женщина... А как же насчет боевого товарищества и взаимовыручки во всех делах, включая интим, что уже давно не интим? Ладно-ладно, кормлю... Садись вот там, повяжи салфетку. Но сперва приготовь че-нить, а то у меня вволю корма только для мышей... Будешь? Представим, что тымышь...

– Нет, – отрезала она. –мышью быть вообще-то неплохо, но только не у тебя, ты на них опыты ставишь!

– Зато какие у менямышы умные, – возразил я. – Я на них отрабатываю усиление интеллекта, а на другой группе – долгожительство. Ты что предпочитаешь?

– А нельзя то и другое?

– Нет, – отрезал я.

– А какую бы ты сам выбрал?

Я ответил, не задумываясь:

– Ту, у которой крупнее сиськи. А что, есть варианты?

– Нет, – призналась она, – в этом случае нет. Ладно... ты хоть знаешь, что у нас в Управлении творится?

– Насколько понимаю теорию эволюции, – ответил я скромно, – особо гадать не приходится. Это мы, ученые, поступаем, как надо, а в бюрократических структурах действует закон биологической целесообразности.

Она потрясла головой.

– Ничего не поняла. А можно по-человечьи?

– А я как сказал?

– Тогда по-женски, – сказала она сердито и, увидев выражение моего лица, уточнила с тяжелым сарказмом: – Для женского ума и понимания!

– А-а, – протянул я, – понял-понял... в общем, в вашем болоте никто ни о чем не заботится, как и всегда, но, когда надвигается катастрофа, все начинают бегать, как муравьи по горячему песку и... что-то да выбегивается. В данном случае сообразили, что дважды два не стеариновая свеча и даже не семь с половиной, и что нужно работать, иначе всем кирдык. А так как работать там разучились, то нужно вернуть меня обратно.

Она слушала внимательно, морщилась, дергалась, даже вздрагивала, но не перебивала, а когда я закончил, сказала угрюмо:

– И что ответишь?

– А ничего, – сказал я хладнокровно. – Здесь я с удовольствием подчиняюсь Остапу Шухефовичу, это же гений, а какого хрена буду подчиняться меднолобым идиотам?

Она напонила сухо:

– Мещерский не идиот.

– Над Мещерским, – ответил я, – стоят те, у кого звезд на погонах больше.

Она сказала раздельно:

– За это время принято важное решение, Мещерский отныне будет отчитываться только перед президентом. Напрямую. Даже минуя Генеральный штаб. Доволен?

– Разумно, – ответил я как можно более равнодушно.

– Когда возвращаешься?

– А кто сказал, – поинтересовался я, – что возвращаюсь?.. Скажу тебе без ложной скромности, что я не просто доктор наук, но у меня в лаборатории зреет важное открытие... Да-да, буду не просто научным светилом, но и нобелевку получу, вообще подниму всю нейрофизио-

логию на ступеньку выше! Всю мировую нейрофизиологию, понимаешь!.. Меня в учебники введут, а во всех университетах мира в коридорах портреты будут рядом с Менделеевым, Ньютоном, Эйнштейном и даже Лобачевским.

Она слушала, лицо медленно мрачнело. Молчание затянулось, я уже думал, что окончательно раздавил ее такой перспективой, с какой стати звезде мировой величины идти руководить каким-то отделом, о котором так никогда никому и не станет известно, но она вздохнула и сказала тихо:

– А ты помнишь, что сказал Стельмах насчет своей одаренности музыканта?

Я сдвинул плечами.

– Пример некорректен.

– Чего вдруг?

– Тогда шли войны, – напомнил я, – а сейчас Россия уже поднялась и снова на буржуев смотрит свысока.

– Сейчас весь мир Россия, – сказала она.

Я посмотрел на нее искоса, не упуская из виду ни очень серьезного лица, ни собранности всей фигуры.

– Фашистка, – сказал я.

Она поморщилась.

– Не ерничай, дело серьезное. Стельмах отказался от карьеры музыканта, где мог быть первым в мире, и стал одним из многих директоров военных заводов, потому что стране позарез нужны были танки, без которых война была бы проиграна. А сейчас во всем мире разрабатывается оружие, что может погубить всех людей на свете. Ты сам это утверждал, я только возвращаю тебе твои же слова!

– Это не только оружие, – уточнил я, – на самом деле оружия разрабатывается как раз мало, но и то, что не оружие, тоже погубить может.

Она посмотрела в упор.

– Так чего ты тогда? Гордость свою хочешь показать? Фанаберию? Скажи, чего ты хочешь?

Я проговорил медленно:

– Естественности...

– Чего-чего?

– Было бы естественнее, – сказал я, – если бы в мире правили умные люди. Не так ли? Но мы этого не видим. Природа еще не поняла, что доминировать должны теперь не самые нахрапистые, что было важно раньше, а уже умные.

Она сказала резко:

– В мире это будет, хоть и нескоро, а в твоём Центре тебе уже дают карт-бланш! И никакие генералы не смогут лезть в твои дела!.. Руководство будет осуществляться в теневом режиме, а в своём отделе будешь полным хозяином. С правом принимать любые решения!.. Ну?

Я подумал для виду, хотя все идет точно так, как и рассчитал, однако эти двуногие непредсказуемы, все-таки человеческого в них мало, все еще на девяносто девять питекантропы, только шерсть потеряли.

– Хорошо, – сказал я с тяжелым вздохом. – Уговорила. Ну-ка сиськи покажи... Ну вот, а говоришь, будешь подчиняться.

– Зараза, – сказала она с сердцем. – На, смотри!.. Ну?

Я осмотрел, кивнул.

– Да, мощный аргумент. Уговорила, когда вот такие, тогда да, возвращаюсь. Надеюсь, имплантаты?.. Что, естественные?.. Ну, это неинтересно. Как дикарка какая-то допещерная. Весь интеллектуальный народ готовится имплантировать всякое-разное даже в череп, а ты в сиськи не можешь!..

– А что, – спросила она язвительно, – надо?

– Можно на размер больше, – сказал я рассудительно, – хотя бы для того, чтобы приобщиться к миру людей будущего. Это же здорово, не понимаешь?

– Что размер сисек?

– Чем больше имплантатов, – сообщил я, ловко уклоняясь от прямого ответа, – тем ближе к сингулярной сингулярности!.. Имплантаты – единственное, в чем женщины бесспорно опередили мужчин, и, более того, мужчины это признают, хоть и сквозь зубы... Ладно, только нужно зафиксировать на бумаге. Я имею в виду свои полномочия, а не размер имплантатов.

– Машина у подъезда твоего дома, – сказала она. – Пойдем, убедишься.

– А гарантии?

Она покачала головой.

– Мы разведка, забыл? Тем более военная. Никаких записей! Но слово у нас держат твердо. Потому что с теми, кто не держит...

– Знаю, – прервал я. – Не рассказывай, я нежный и трепетный, ночь спать не буду... хотя все равно спать не дашь, чувствую.

– Чего-чего?

– Можешь сделать себе еще чашку кофе, – сообщил я со вздохом, – я сегодня не жадный. Наверное, к перемене погоды. Или потепление климата сказывается... Что там МАГАТЭ прогнозирует, не знаешь?.. В холодильнике парочка пирожных, ты еще не видела, я хорошо спрятал. Можешь оприходовать, а я пока отдам кое-какие распоряжения в свою лабораторию, раз уж могу завтра не появиться с утра.

– Ах да, – сказала она язвительно, – у тебя и там мышки!.. Ты весь какой омыщенный...

– Вот-вот, – сказал я, – распоряжусь насчет мышек и всего научного потенциала... Ладно, для тебя опасно знать секреты науки.

– Почему? – спросила она быстро, предсказуемо среагировав на слово «секреты».

– Мозг не выдержит, – ответил я с ехидцей. – Для такой нагрузки его нужно тренировать годами в лабораториях, а не в тренажерных залах.

Она проводила меня взглядом, я вышел в другую комнату, откуда в самом деле заглянул как в лабораторию, так и с помощью видеокамер в кабинеты Мещерского, Бондаренко, генерала Кремнева и прочих, на чью поддержку рассчитываю.

У всех настроение приподнятое, удалось отстоять от поползновений Генерального штаба захватить этот отдел и объявить своим. Уже знают, что там сдались, а вот насчет моего согласия вернуться и продолжить работу вообще не сомневаются...

Когда я появился на кухне, Ингрид пирожные уже долопала, а сейчас, присев, заглядывает на нижние полки в холодильнике. Когда бросила на меня взгляд искоса, лицо вроде бы не изменилось, но я уловил, как с облегчением перевела дух.

Все верно, побаивается, что передумаю и останусь в своем мире ученых, где все умные, вежливые, понимающие, все занимаются благороднейшим делом на свете, а не возжелаю заниматься дерьмом, с каким приходится сталкиваться в составе силовых структур.

– Утром идем в отдел Глобальных рисков, – сказал я. – А сейчас топай в койку. Ты где ляжешь, с краю или к стенке?

Она округлила глаза в несказанном изумлении.

– Ты такой добрый?.. У меня в самом деле есть выбор?

– Вообще-то нет, – ответил я по-мужски прямо. – Только погоны не снимай.

– Где ты видишь погоны?

– У меня хорошее воображение.

Глава 9

Утром, когда мы быстро завтракали, над столом мелодично звякнуло, прозвучал милый голосок Сири:

– На связи первый канал.

– Давай, – сказал я.

На экране появилось лицо Мещерского, он мягко улыбнулся при виде Ингрид, его доверенное лицо на месте, все-таки я не их работник, а всего лишь сотрудничающий с силовыми службами в некоторых мало понятных военным вопросах, потому за мной нужен глаз да глаз.

– Владимир Алексеевич, – произнес он, – вы сможете прибыть на совещание нашего высшего эшелона? Для самого узкого круга? О, я вижу капитана Волкову...

– Драсьте, Аркадий Валентинович, – сказала Ингрид.

– Доброе утро, – ответил он, не меняя выражения лица. – Думаю, вы сможете доставить доктора Лавронова в Управление...

– С удовольствием, – ответила она кровожадно. – Можно, в наручниках? И побить в дороге ногами?

– Только если он сам тоже пожелает, – предупредил Мещерский. – Хотя нет, не стоит бросать тень на Управление. И так нами пугают детей.

– Только либералы, – возразила она с пренебрежением. – А кто их слушает теперь? Их царствование кончилось.

Я послушал, распоряжаются мною хоть и в шуточной форме, но ученые тоже попадают с самолюбием, ответил мирно:

– Жаль, но, увы, как бы нет. У меня, в смысле, работа в самом процессе. Работа – это когда работа, а не, ну вы поняли. Увы, как-нибудь в другой раз. Когда работы не будет.

Он сказал с укором:

– Владимир Алексеевич...

Я развел руками.

– Вы же понимаете, Аркадий Валентинович, здесь наука. Даже у меня дома. Единственное, чем человеку нужно заниматься, если уж начистоту. А будучи доктором наук и профессором, я по табели о рангах равен тайному советнику или генерал-лейтенанту. Думаю, дальше объяснять не нужно.

– Не нужно, – ответил он. – Но у нас ЧП. И наконец-то те подвижки, которые вас устраивают.

– Это не лично меня, – ответил я, защищаясь. – Вы говорите, как будто это у меня каприз такой! Вожжа под хвост попала. Или шлея, не помню. Не-е-ет, это требования новых реалий в условиях все ускоряющегося прогресса.

– Да, – сказал он. – Вы формулируете точнее.

– У вас все еще по старинке, – поинтересовался я, – нужно присутствовать лично?

Он кивнул.

– Старые генералы не очень верят новым технологиям.

– Дикари, – сказал я с чувством. – Хорошо, через полчаса буду, если не застряну в пробках... Нет-нет, с мигалкой позориться не стану.

Он кивнул.

– Вы правы. Тогда пусть капитан Волкова позорится. Вы не против?

– Она пусть, – согласился я. – Все равно на вас всех собак вешают.

– Одной больше, – сказал он, – одной меньше... Ждем вас, Владимир Алексеевич.

Ингрид уже нервно притопывает у входной двери, но я дождался, когда Мещерский прервал связь, и только тогда сдвинулся с места.

Автомобиль послушно подкатил к крыльцу, дверца распахнулась с едва слышным чмокающим звуком, словно внутри салона вакуум, но это, конечно, всего лишь указание на полную герметичность, гэрэушники должны быть готовы к разным ситуациям.

Ингрид усадила меня заботливо, как парализованного, обошла автомобиль спереди и, сев за руль, предупредила:

– Пристегнись!.. А то гаишники остановят. Ты же, конечно, начнешь вопить, что тебя похищают.

– А разве не так? – спросил я настороженно. – Тогда ладно, хотя все равно страшно.

– Музыку? – спросила она. – Успокаивающую?

– Обойдешься, – сказал я. – Нет, мигалку не врубай, здесь пока что дороги свободные.

– А для форса? – спросила она.

– Ученые форсят еще меньше гэрэушниц.

– А если впереди пробка?

– Тогда врубай и сирену, – разрешил я. – Горит сарай, гори и хата!

Мозг уже с утра шарит по всем новостным каналам, это у нас утро, а на той стороне планеты день к вечеру, многое чего стряслось, у нас из новостей главная та, что книгоиздатели, писатели, критики и все-все, причастные к книжному бизнесу, наконец-то достучались до правительства, где их приняли с помпой и два часа выслушивали ламентции на тему, что литературе нужно спасать.

Я поморщился, словно заныли зубы. Снова старая и неумная песня, что это пираты виноваты, а как только удастся их задавить, все снова наладится. Не наладится. Литература, как и вообще письменность, отжила свое. И так эти значки, придуманные еще финикийцами, жили так долго, и все еще на удивление существуют в век высоких технологий, хотя и видно, как уходят в прошлое.

Когда-то все, знатные и простолюдины, знали Шекспира, да что там Шекспир, Пушкин или Толстой, мой отец застал такие громкие имена, как Евтушенко, Шукшин, Симонов, но тогда была эпоха без интернета, компьютеров и смартфонов, а сейчас весь мир знает имена Стива Джобса, Цукенберга, Илона Макса, причем действительно весь мир! – но мало кто сможет назвать писателей.

Не будем притворяться, но имена великих художников, будь это зарубежные Веласкес, Рембрандт, Гоген и десятки других громких имен или наши Репин, Айвазовский, Серов, Левитан и прочие-прочие, все они жили и действовали в эпоху безфотоаппарата. А сейчас, когда у каждого в мобильнике могучая камера, кто знает имена современных художников? Да их попросту нет.

Литературу убили не пираты, хотя приложили к этому руку, а бурное развитие кино, сериалов, компьютерных игр, интернета с его ютубом и сервисом мгновенной доставки любого зрительного контента на монитор в ваших руках.

Литература уже не вернется на свои королевские позиции. Как не вернулись ямщики, трубочисты, изготовители деревянных ложек и умельцы по созданию вычурных самоваров.

Но мир не станет беднее, взамен приходит мир еще богаче, разнообразнее, ярче и которого жду с таким нетерпением, но основная масса даже так называемых умных людей просто не врубается, что возврата к прошлому не будет.

– Ингрид, – сказал я, – через два квартала налево, а потом гони прямо, пока не скажу.

Она посмотрела удивленно:

– А что там?

– Тебе точно знать просто необходимо?

Она ответила оскорбленно:

– Если у тебя там любовница, то обязательно! А вдруг она агент Госдепа, что спит и видит?

– Не агент Госдепа, – заверил я. – Все проверено раньше. А ты могла бы доверять мне больше, не находишь? Еще не убедились, у меня всегда больше информации, чем может накопать твоя служба?

Она буркнула:

– Вот это и настораживает! Уж не госдеп ли тебя снабжает?

– У нас новейшие интерфейсы и системы поиска, – напомнил я, – плюс талантливые программисты, а у вас в ГПУ старые бздычи, что еще на механических машинках печатали, а считали на костяных счетах...

– Скажи еще, на пальцах...

Она надулась и гнала автомобиль по указанному маршруту, уже не задавая вопросов. Я еще дважды заставил свернуть, наконец остановила машину у подъезда старого многоквартирного дома панельного типа.

– Я быстро, – сказал я и, захватив кейс, выскользнул наружу.

На лестничную площадку пятого этажа выходит шесть квартир, стены обшарпанные, нужная мне дверь давно нуждается в ремонте.

Я вдавил палец в кнопку звонка, глухо, лишь с третьей попытки, поелозив и отыскав контакт, заставил звякнуть, но на всякий случай постучал еще и кулаком.

Дверь распахнулась, на меня уставилась с недоверием угрюмая девочка-подросток, белокурая и с синими-синими глазами.

– Ух ты, – сказал я, – как на папу похожа!.. А мне казалось, только на маму...

Она спросила настороженно:

– Вы кто?

– Кто-то дома есть еще? Из взрослых?

В прихожей появилась женщина с худым бледным лицом и следами былой красоты.

– Настя, кто там?

Девочка ответила, не сводя с меня взгляда:

– Он знает папу.

– Молодец, – сказал я поощряюще, – сразу хватаешь главное.

Женщина подошла к ней и, чуть обняв, спросила недружелюбно:

– Вы кто?

– Мне удобнее разговаривать не через порог, – сказал я.

Она подумала, отступила в сторону.

– Можете зайти.

Я прошел в комнату и сразу водрузил кейс на стол. Мать и дочь смотрели с ожиданием, а я сказал строго:

– Ваш муж и отец не погиб, как вы наверняка полагаете. Не в тюрьме, как вон сразу подумала Настя, не в бегах... Все еще выполняет важное правительственное задание. Но часть секретности снята, потому вот его жалованье за это время...

Она вытаращенными глазами уставилась на кейс, крышку которого я поднял, взору открылись ровные ряды пачек денег в банковской упаковке.

– Извините, – сказал я, – что наличные, но секретность не позволяет проводить банковские операции со счета людей, которых как бы не существует. Можете купить хорошую квартиру в хорошем районе, вообще обеспечить уровень жизни подстойнее.

Она сказала умоляюще:

– Скажите, где он сейчас?

Я улыбнулся.

– Вы же понимаете, этого никто сказать не имеет права. Просто помните, он работает на страну. Он важен, уважаем, его ценят. Простите, это все, что имею право сказать. Да я и так сказал много. До свидания!

Они молча смотрели вслед, а я спустился по лестнице, чтобы не ждать лифт, а когда сел в автомобиль, Ингрид тут же развернула его на пяточке перед домом и погнала в обратную сторону.

Я на всякий случай проверил видеокамеры по пути, на двух стер номер моего авто.

Ингрид буркнула:

– Деньжат им подбросил?

Я спросило в изумлении:

– А ты откуда знаешь?

– Знаю, – ответила она хмуро. – Уж если ты, такая черствая скотина, вдруг захотел помочь его семье, сестренке поступить в универ, а родителям подбросить деньжат или хотя бы починить забор в их огороде... то это явно того стоило.

– Ты даешь, – сказал я расстроено. – Не думал, что запомнила... Хотя такого красавца да не запомнить, в самом деле Иван Львиное Сердце... И что, родителям подбросила деньжонок?

– Нет, – огрызнулась она, – но сестренке помогла, а ипотеку за них выплатил фонд помощи неимущим.

Я сказал виновато:

– Спасибо, Ингрид. Почему я тебя недооцениваю?

Она промолчала, автомобиль ведет на большой скорости, сперва смотрела перед собой прямо, красивая и сосредоточенная, затем начала искоса поглядывать на меня, но я, тупо глядя прямо перед собой невидящими глазами, увлеченно читаю в инете о новых методах редактирования генов, наконец сказала язвительно:

– У тебя такое лицо... не буддизнулся случайно?

– Даже не рерихнулся, – заверил я. – А что, смотрюсь очень красиво? А в анфас?

– Отвратительно, – отрезала она. – Будто порножурналы смотришь!

– Почти угадала, – согласился я. – Вот подумал, стояла бы видеокамера у меня в спальне, пришли бы мы в ужас, если бы запись попала в сеть?..

Она буркнула:

– А что, было что-то непристойное?

– Вот-вот, – ответил я. – Ничего такого, чего стоит стыдиться здоровым самцу и самке с нормальными запросами. А если от того, будут камеры наблюдать за личной жизнью или не будут, зависит быть человечеству или сгинуть, то даже вопроса не возникает... Потому, полагаю, постоянное наблюдение нужно не просто вводить в быт, но и в моду.

– Что ты сказал, извращенец?

– Дикий ты человек, – обвинил я с удовольствием. – Да, в моду! Не в морду, а в моду. Видеокамеры в доме, спальне и даже в туалете должны считаться необыкновенно круто, супер-современно, благородно.

– Ах-ах, даже так?

– Вот именно. А те, кто так не делает, те люди тупые, отсталые и вообще недочеловеки.

Она поморщилась.

– На самом деле оно так и есть. Но признать такое никто не признает.

– Верно, – согласился я, – но общественное мнение их как раз и не считает отсталыми, так как само еще не отлиняло. Нужно менять трынды. В смысле, тренд, хотя «трынды» нравится больше. Что-то в нем есть...

– Трындец, – подсказала она.

– Да, – согласился я, – но трындец это нечто маленькое, а трынд уже большое, даже великое, уважаемое, как наш генерал Кремнев. Кстати, куда он делся?

– Получил другое назначение, – ответила она без охоты.

– Переиграть удастся?

– Это уже от него зависит, – пояснила она. – Ему бросили что-то очень лакомое, чтобы передислокация обошлась с его стороны без особых протестов... Но установкой видеокамер в доме, как понимаю, ты не ограничишься?

– Устанавливать буду не я, – уточнил я, – но тындр ты поняла верно. Одновременно нужно и просто необходимо заняться оборудованием ими автомобилей.

– Не загнул?

– А что, сейчас разве что можешь позвонить домой или своей паре, когда оно за рулем, верно? Такая возможность очень бы удивила наших дедушек и бабушек, не доживших до мобильных, но для нас обыденно, когда блондинка за рулем вовсю щебечет по мобильнику, не обращая внимания на пешеходов и светофор!

Она нахмурилась, хотя, как брюнетка, должна бы только радоваться наездам на блондинок, однако гендерная солидарность оказалась выше, процедила сквозь зубы:

– В автомобиле не так уж и революционно, как в спальне или клозете...

Я сказал громко:

– Сири, дай канал номер два!

На левом экране, что возле Ингрид, заиграли краски, и появилось лицо Данко, а за ним весь главный зал общим планом.

– Не спать, – сказал я строго. – Данко, продумай ускоренное продвижение видеокамер в народ средствами моды! В первую очередь насчет установки в автомобили.

Данко с интересом посмотрел на Ингрид за рулем, во взгляде я прочел мужское одобрение, это же львица рядом, но видно, что это моя львица.

– В автомобиле? – переспросил он. – Так и сейчас можно из авто поговорить с любым по скайпу! И посмотреть друг на друга. Проверить, так сказать, в автомобиле или в чьей-то спальне...

– Смотри на шагок дальше, – сказал я. – Всего на шагок! Не просто включил-выключил, а постоянное включение!.. Вот мы сейчас едем, а любой, кто наберет мой или номер вот этой очень строгой женщины, увидит нас в авто.

Данко посмотрел испытующе, а наглый Гаврош сказал знающе:

– Не все этого захотят. А перепихнуться по дороге?

– А пусть не перепихиваются, – сказал я. – Старшее поколение в этом поддержит. Нам везде нужно искать поддержку!.. Когда со старшими, когда против старших.

Глава 10

Ингрид поджала губы и помалкивает, но на лице суровое неодобрение, дескать, вот какие они современные ученые и какого уровня у них дискуссии.

– Да, – сказал Данко уже с профессиональным интересом, – одновременно объяснять простому народу, а также очень простому, что специальные службы по противодействию терроризму смотрят только на незаконность действий, а не на ваши прелюбодеяства. Кому нужны прелюбодеяства простого народа? Он и прелюбодействовать как следует не умеет!

Ивар подал голос от своего стола:

– Возражений будет много. Я отслеживаю реакцию на нововведения по форумам. Там обычно народ высказывается искренне. Ботов отсекаю сразу и скажу честно, иногда мне кажется, мир состоит из одних луддистов.

Я кивнул в сторону Ингрид.

– Из них две трети женщин, они всегда консервативнее людей. Для них нужны какие-то добавочные червячки... Отыщите и доложите.

Ивар сказал озабоченно:

– Сделаем. Но криков будет много.

– Стихнут, – сказал я уверенно. – Это же простое ворчание, каким бы истошно громким и с виду неистовым ни было.

Гаврош добавил с презрением юного, но ох какого мудрого:

– А кто с диванными хомячками считается? Даже если их море?... Подумаешь, электоратели... Электорнут, на кого укажут пальцем и скажут, за этого не голосовать, он тиран и нелиберал!... Тут же, доказывая свою независимость, проголосуют «за».

Остальные заулыбались, Ивар сказал серьезно:

– У диванных либералов главный страх в том, что ФСБ увидит, как мастурбируют в ванной на фото Ани Межелайтис!.. Они, как говорит наш великий и мудрый вождь, он же шеф, останутся в прошлом.

Данко добавил еще серьезнее:

– Потому тот, кто раскрывается перед другими все больше и больше, именно тот ближе к будущему. Оксана, слышала?

Оксана с достоинством поджала губы.

– Размечтался! Не стану я тут перед вами раздеваться.

Данко изумился.

– Я что... такое сказал?

– Ты всегда такое говоришь, – поддержал Гаврош ревниво. – Даже когда молчишь.

– Зато сопишь так выразительно! – поддержал Ивар.

Ингрид шумно вздохнула, на лице суровое осуждение такой темы для дискуссии, хотя чего ждать от мужчин, даже если они ученые, все равно свернут на женщин.

Данко бросил на нее беглый взгляд.

– Вообще-то, – сказал он примирительно, – мы уже намного больше открыты друг другу, чем наши дедушки и бабушки, разве не так? И связаны... почти постоянно. Раньше телефон стоял только дома, а сейчас он у каждого в кармане. А вот-вот можно будет видеть любого из друзей с помощью телекамер на улицах!.. А что, я уверен, такая услуга станет доступной через два-три года!.. Как думаете, шеф?

Я сдвинул плечами.

– Думаю, что и незнакомых тоже так же можно будет рассматривать.

Ингрид бросила на Данко заинтересованный взгляд, как на будущего сотрудника секретной службы, а Ивар сказал с сомнением:

– Это вы загнули, шеф!.. Друзей еще понимаю, они свой код дадут, а с незнакомыми... разве что спецслужбы?

– Сперва спецслужбы, – ответил я, – потом все... и без всяких паролей. Спецслужбам бесплатно, за них государство платит, а простому люду сперва дорого, чтобы опробовать реакцию, а потом постепенно снижая цены...

Данко уточнил:

– Мобильники раньше были тоже только у спецслужб. Я имею в виду переносные рации! Наш великий и мудрый вождь, который вот точно собирается повысить нам жалованье, говорит, что сейчас главное прячется в подготовке людей. Любыми способами.

Я, великий и мудрый вождь, ответил благосклонно:

– Данко, у тебя в руках все вычислительные мощности. Возьми Гавроша в помощь, рассчитайте мне реакцию среднестатистического существа... Все, отбой. Мы прибыли.

Ингрид подогнала авто к подъезду, на меня бросила хмурый взгляд.

– Ах-ах, великий и мудрый!

– Ребята прикалываются, – ответил я мирно.

Она вышла, хлопнула дверцей, но мне открыть не успела, я отстегнул ремень и покинул автомобиль на секунду раньше.

– Прикалываются, – согласилась она, – но говорят серьезно. Блин!.. Что-то в тебе есть в самом деле такое... Не видела бы в постели и туалете, тоже сказала бы что-то... не так высокопарно, однако...

Я поддержал ее под локоть, как кавалер даму, но она даже не заметила оскорбления, по ступенькам взбежала быстро и целенаправленно, словно готовится выбивать двери ногой.

– Как думаешь, – бросил я вдогонку, – если народ увидит президента и глав государства в туалете, уважать станут меньше?

Она отрезала:

– Не увидят!

– Почему? Файервол?

– Можно вообще не устанавливать, – ответила она. – Нет, установить придется, но для внутренней сети!.. Чтобы только охрана постоянно видела главу правительства.

– Это и сейчас так, – ответил я мирно. – Не знала? Прости, не сообразил, что от секретной службы тоже есть секреты и прочие недоговоренности.

– Нет таких секретов!

– Есть, – сказал я. – Но ты так и не ответила. К худшему или к лучшему изменится отношение?

Она выпалила вопросом на вопрос:

– А ты сам как думаешь?

– Думаю, – ответил я, – вообще не изменится. А почему должно измениться?

– Ты что... не понимаешь?

Я потряс головой.

– Нет. Разве избиратели не знают, что президент тоже ходит в туалет? А что должно измениться, если еще и увидят? Все же ходят!.. Вот если бы оппозиция вообще по своей святости туда ни ногой, тогда еще могло бы что-то измениться...

Она умолкла, явно ищет контрдоводы, судя по выражению лица, а я пожалел, что не заехали по дороге в мой отдел, что уже не отдел, а в самом деле Центр, так как помещений выделяется все больше, аппаратура завозится новейшая, а помимо импортной пришли отечественные «Байкалы», где гарантированно никаких закладок и шпионских программ.

Хотя их и так нет, но это только специалистам понятно, а для широкого населения разработку компьютеров российского происхождения и собственного программного обеспечения нужно объяснять происками госдепа, что никогда не спит.

С другой стороны, если не разрабатывать такие вещи у нас, то будущие программисты и вообще специалисты хайтека, не находя применения своим талантам, двинутся на Запад и в Штаты, так что лучше удержат их здесь любой херней и объяснить, насколько это важно для существования свободной и независимой России, как будто в мире останутся какие-то независимые страны, если их уже нет сейчас.

До здания филиала ГРУ еще с полкилометра, но мы уже попали под прицел видеокамер, что вели нас остаток дороги, сличая как номер автомобиля, так и наши фото, сделанные через лобовое стекло.

Странное чувство всемогущества, когда вот так, не покидая сиденья авто, вижу, как наши портреты пошли по базам данных, что значит, новое оборудование, все нарабатывается заново.

Ингрид кивнула на парадное крыльцо.

– Еще не забыл дорогу?

– Я думал, ты догадывалась.

– О чем?

– Вообще-то, – пояснил я скромно, – и не покидал. Это для вас, чтобы выглядеть работающими, нужно протирать штаны в креслах и мозолить глаза руководству. А кто-то умеет и виртуально, в духе двадцать первого.

– Ах ты свинья, – сказала она.

– Я тебя тоже люблю, – сообщил я.

В коридорах за нами следят видеокамеры, что понятно, а также понятно, что у лестницы, лифта и в начале каждого коридора стоит охранник из элитных частей спецназа.

Камеры хороши, но не могут сбить с ног злоумышленника, обезоружить, повязать и доставить. Роботизация хоть и на марше, но колонны с флагом и победной песней пока еще не вышли из заводских врат, хотя первые пугающие обывателя экзы уже сошли с набирающего скорость конвейера.

В коридорах Управления походка Ингрид стала еще четче, а сама она выпрямилась и развела в стороны и без того широкие плечи. Вот для чего нужны видеокамеры, подумал я. Это как зеркала, мимо которых всегда подтягиваешь живот и выпрямляешь спину...

Охранник у двери лишь скользнул по мне взглядом. Все что нужно знать, знает, инструкции на мой счет уже получены, остальное не его дело.

Ингрид распахнула дверь в кабинет, но осталась в коридоре, а я перешагнул порог. Мещерский за столом, но поднял голову, лицо осветилось радостной улыбкой.

– Владимир Алексеевич!

– Аркадий Валентинович...

Он порывисто поднялся, вышел навстречу с протянутой рукой.

– Как вы?

– Работаю, – ответил я.

Он все в том же безукоризненном костюме английского аристократа, как на мой невнимательный взгляд, это женщины скажут типа того, что цвет чуть иной, чем в предыдущем, даже скажут какой, хотя такого цвета в палитре художника не существует, но это у каких-то художников, а у женщин много чего существует, чего нет у людей.

Да и лацканы его костюма короче, скажут, я и сам теперь начинаю замечать эти ненужные мужчинам мелочи, хотя это не я, а постоянно требующий работы мозг.

Он уже приспособился к распределенному режиму существования, восхитительное будущее, что в ближайшие годы ожидает нас всех, хотя абсолютное большинство населения испугает. Масса людей из-за подобного страха останется по эту сторону первой же черты нового времени, как когда-то оставили позади питекантропов, а потом отделили кроманьонцев от неандертальцев, всякий раз отправляя оставшихся в небытие.

Мозг каждого, говоря образно, будет в чемоданах. Не весь, конечно, а большая часть, что хранит массу информации. Чемоданы не в руках или в чулане, а в облаке, в черепной коробке оставим только аналитическую и обрабатываемую функцию... как это уже давно, разве что во времена Гомера все хранили в голове.

Мы обменялись рукопожатием, я сказал тепло:

– Когда покидаю Управление, радуюсь встрече с коллегами в Центре Мацанюка, а когда выхожу оттуда, предвкушаю удовольствие общения с вами, Аркадий Валентинович, и вашими коллегами... они же и мои, к слову.

Он всматривался в мое лицо с таким же теплым выражением в глазах.

– Владимир Алексеевич, а вы за эти несколько дней еще как бы возмужали и взматерели... Жалею, что не занимаюсь наукой, но кому-то надо было...

– Знаю, – ответил я. – Я здесь тоже не совсем из-за взбрыка.

Дверь распахнулась, я успел увидеть в коридоре Ингрид, но вошли Бондаренко и Бронник, заулыбались, эти уже не лорды, простецки хлопали меня по спине и плечам.

Бронник даже пощупал бицепс и с одобрением кивнул, будто увидел, как я тренируюсь с ребятами из спецназа ГРУ.

Не успели сесть, явился Кремнев, властный и могучий, как носорог, ощущающий свою мощь и значимость, кивнул мне почти по-дружески и протянул руку.

– Как отдыхалось от нас?

– Вас восстановили в прежней роли? – ответил я вопросом на вопрос.

Он кивнул.

– Да. Похоже, вам удалось кому-то из важных чинов переломить хребет. Вчера вызвали в Штаб и сообщили, что мое назначение на космодром Восточный отменяется.

– Огорчены?

Он взглянул на меня исподлобья.

– С какого перепугу?... Здесь у нас мир меняется на глазах, к чему и мы причастны, а там просто рутина и перетягивание одеяла с Илоном Маском... Ростислав Васильевич, рад вас видеть... Лаврентий Петрович.

Он обменялся рукопожатием с Бондаренко и Бронником, Мещерский жестом пригласил всех ближе к столу.

– Прошу сесть, отключаем связь.

Я промолчал, что глушилки у них работают всюю, однако насчет смартфонов прав, и дело не только в инструкциях.

Когда сели к столу поближе, Мещерский сказал примирительно:

– Владимир Алексеевич, вы должны войти в наше положение!.. Нам не первый раз пихают в штат старых заслуженных генералов, которым никак не хочется на пенсию. У последнего шесть тяжелых ранений и пять высших военных наград, доблестно защищал интересы нашей страны в конфликтах за рубежом... Да, он привык к военной дисциплине...

Я сказал зло:

– Тогда на хрена его сюда пихали?

Он развел руками.

– А что, в отставку и застрелить? Руководство наверху решило, что его боевой опыт может пригодиться. И хотя да, он уже устарел, но... Владимир Алексеевич, не все в мире идеально. И в нашей службе тоже. Мы старались оградить его от вас...

– А нас от него?

– Разумеется, это в первую очередь!

– Дело не во мне, – произнес я с рассчитанным нажимом. – Этот солдафон все испортил бы!.. Ишь, приказы у них не обсуждаются!.. Да хрен такой мною покомандует!

Он сказал успокаивающе:

– Да тише, тише... Я же сказал, мы таких вообще старались изначально не допускать к вашему отделу... Я сам такому не поручил бы даже доставку пиццы. Разумеется, мы всегда принимали к сведению ваше желание самому рулить...

Я уточнил:

– Только принимали к сведению?

Он снова развел руками.

– Это только слова. Владимир Алексеевич, победа за вами! Но не стоит ее так демонстрировать. Генералы не только туповаты, но и злопамятны. Делайте свое дело, а им придется умолкнуть.

Глава 11

Я смолчал, подумав быстро, что с моими возможностями как-то не совсем правильно выполнять указания пусть хороших и правильных людей, но значительно уступающих мне по интеллекту... И хотя у меня интеллект пока лишь первого порядка, или, как говорят в корпорации Ицкова, интеллект низшего уровня, но даже он дает огромное преимущество за счет неизмеримо большей скорости обработки данных.

Во всем остальном я на том же уровне мышления, где и был, однако и это немало, все-таки доктор наук на интеллектуальной лестнице стоит выше полковника ГРУ, генерала или какой-либо важной хрени вроде маршала.

Мещерский что-то заметил по моему лицу, сказал с подчеркнутым удовольствием:

– Владимир Алексеевич... вы в самом деле перебороли весь Генеральный штаб! Со всеми его советниками. Такие дела раньше отмечали грандиозными попойками.

– Это мы можем, – сказал Кремнев бодро. – Я отвечаю за коньяк, Бондаренко веселых девок приведет, он у нас спец.

– Это Бронник спец, – возразил Бондаренко, – я больше по закуске!

Я поинтересовался:

– А как удалось генералов заставить принять мои условия?

Мещерский усмехнулся, покачал головой, а ответил вместо него довольный, как пара слонов, Бондаренко:

– Такие люди никогда не признают поражения.

– Тогда как? – спросил я.

– Раньше, – пояснил он, – в таких случаях стрелялись, смывая кровью позор поражения, теперь... выходят в отставку. А нерешенные вопросы ложатся на стол преемника.

Я вздохнул.

– Преемник уже известен?

– Генерал Гонта. Дубовицкий, правда, в отставку не ушел, просто это изъяли из его ведения и передали Гонте, пояснив, что ученые – народ капризный и склочный, с ними нужно поделикатнее.

Я спросил с тоской:

– И как он?

Бондаренко сдвинул плечами, а Мещерский ответил чуть-чуть уклончиво:

– Очень хороший человек, если судить по его работе военного советника в... ряде стран, где с благодарностью принимают нашу помощь в национально-освободительной войне. Как говорили в старину, слуга царю, отец солдатам. Трижды ранен, один раз тяжело, что показывает: подавал советы не из самого глубокого тыла... Отмечен высокими наградами...

– Которые носить пока нельзя?

– Но может на них посмотреть, – ответил он с усмешкой. – Хранятся в особом отделе Генерального штаба. Ему дали подержать в руках, а потом деликатно отобрали в интересах секретности.

Я сказал неохотно:

– Хороший специалист не обязательно хороший человек. А нам нужен еще и умный... Хорошо, Аркадий Валентинович, будем ждать этого специалиста по военным советам. А что слышно про то глупое разбирательство насчет беженцев из Туниса?

Мещерский сказал со вздохом:

– Совещание было на самом высоком уровне. Дело не в том, какое решение хотели вынести, у нас сгоряча ничего не делают, вопрос рассмотрели очень тщательно и со всех сторон, а за это время убедились, что все указывают пальцами на МОССАД. Это хорошо, МОССАДу

сочувствуют, большинство в Европе и Штатах его действия оправдывают. Все-таки маленькая страна отчаянно борется с огромным арабским миром за существование, им можно действовать жестче, чем толерантной Европе...

– А мы Европа? – спросил Кремнев. – А как же особый путь?

– Особого нет даже у марсиан, – ответил Мещерский.

Мещерский начал рассказывать, на каком этапе перестройки силовых структур мы сейчас, я слушал молча, даже не шевелился, чтобы не сбивать с мысли. Мещерский наконец умолк, вперил в меня вопрошающий взгляд.

Помедлив, я сказал медленно:

– Да, это интересно.

Он покачал головой.

– Всего лишь?.. Мы живем среди людей, Владимир Алексеевич, а не в мире химических формул. Да и в химии, думаю, иногда реакции протекают не так, как задумано. А люди есть люди.

– Отборные люди, – сказал я вежливо.

– Отборные, – подтвердил он. – Поднявшиеся по служебной лестнице достаточно высоко, где на каждом этапе многоэтажные тесты и проверки на адекватность. И то, бывает, заносит...

– И что эти отборные решили? – спросил я. – Да, капитан Волкова уже сказала, но мне, чтобы принять какое-то решение, нужно услышать и вас. Скажу честно, мне вовсе не хочется работать в организации, где от меня будет мало толку.

Он произнес суровым голосом:

– Ваше решение затопить судно с зараженными людьми рассматривалось долго на самом верху...

– С террористами, – уточнил я.

– Что?.. Ах да, конечно, в первую очередь они террористы...

– Разве это не главное?

– Они еще не считались террористами, – ответил он, – с точки зрения закона. Они могли, или кто-то из них мог передумать и прийти в полицию с повинной и все рассказать... И, говорю вам честно, это был не единственный аргумент против ваших самовольных действий. Были и повесомее... Но, повторяю, тщательнейший разбор склонил чашу весов на вашу сторону. К тому же вмешалась и третья сторона, вы догадываетесь, о ком я... Они провели там на месте тщательный анализ того, что осталось от пожара, и решили, что в данной ситуации вы поступили математически точно и верно. Что потребовало от вас мужества при таком решении и ответственности. Их доводы в вашу пользу послужили последней каплей, что перевесили чашу весов. Вы реабилитированы полностью.

Я покачал головой.

– Вот уж не думал, что помощь придет с той стороны... Хотя нет, вру. Думал о таком. Даже предполагал.

Бондаренко сказал с лицемерной улыбкой:

– Вербуют.

– Госдеп не спит, – согласился Мещерский. – Спит и видит. Стараются вам понравиться.

– ЦРУ и так нравится, – ответил я, – а вот Госдеп вроде нашей Госдумы... И это все по тому разбирательству?

Бондаренко довольно гоготнул.

– Правильно, Владимир Алексеевич, требуйте орден!

– Мне нужны твердые и четкие заверения, – ответил я сдержанно, – что никто не будет влезать в мою работу. Ни руководить, ни контролировать. О результатах буду докладывать лично вам. Если сочтете мою работу... не совсем удовлетворительной, то либо отдел закроете, либо на мое место возьмете другого, а я вернусь в свой институт.

Мещерский вздохнул, как мне показалось, с облегчением.

– Тогда мы договорились. Именно это я и отстаивал.

– И... как?

Он сдержанно улыбнулся.

– Отстоял. Когда ситуация требует немедленных решений, любые коллегиальные совещания приведут к потере драгоценного времени. Это все поняли.

– Когда поступает сигнал о пожаре, – напомнил я, – команда пожарных выезжает немедленно. Не запрашивая разрешения у руководства.

– Ситуация точно такая, – согласился он. – Только масштабы шире. Потому принимаете решения единолично... однако и отвечаете лично. Уже не сошлетесь, что вам не то велели.

– Спасибо, – сказал я. – Я вам напринимаю! Ахнете.

– Этого я и побаиваюсь, – ответил он без улыбки. – Я же знаю, самые страшные люди – люди с хорошо развитым интеллектом. А из них просто ужасные – ученые.

– Интеллект, – признал я, – частенько говорит непривычные вещи. Для гуманитария позапрошлого века, а они все оттуда, наши истины вообще звучат чудовищно и аморально.

– А они не аморальны?

Я сдвинул плечами.

– Мораль, как и мода, к науке отношения не имеет. Но «морально – не морально» оказывает влияние на общество гораздо больше, чем «умно – не умно». Парадокс, верно?... Аркадий Валентинович, вот распечатка ближайших вызовов... В основном по Азии и Африке. Что в какой-то мере успокаивает, в Европе и США не так-то просто спрятать лабораторию или тайком мастерить атомную бомбу.

Он вздохнул.

– Надолго ли.

– Вы прямо в яблоко, – признал я. – Через два-три года эти лаборатории можно будет поместить на одном столе. А это значит, и в Европе смогут создать чуму, что уничтожит весь мир.

Мещерский, пока я говорил, прислушивался к чему-то, микроскопический наушник у него в ухе, наконец поднял на меня взгляд.

– К нам идет генерал Туранский. Он из Управления Военно-космических сил.

– А что, – начал было я, но закончить не успел, дверь резко распахнулась, через порог ступил крепко сбитый мужчина в хорошо подогнанном мундире, массивный, но не рыхлый, с жестким выражением лица и квадратным подбородком.

Обменявшись рукопожатием с Мещерским и Бондаренко, впери́л в меня острый и недружелюбный взгляд.

– Это и есть доктор Лавронов? Очень хорошо. В районе нашей базы в Сирии возникла внештатная ситуация. Вам придется срочно вылететь туда и пресечь...

Все умолкли, я ощутил себя на перекрестье взглядов. Раздраженный питекантроп во мне проснулся просто моментально и начал рваться наружу, но я удержал то, что называется внутренним голосом, хоть и с усилием, переспросил сдавленным голосом:

– Так уж сразу и пресечь? В смысле, тащить и не пущать?... Что-то как-то мне такое не очень нравится.

В глазах Мещерского блеснул веселый огонек, Бондаренко замер почти по стойке «смирно», а генерал сказал резко:

– Приказ из самого Генерального штаба! Такое вообще не обсуждается. Просто примите к сведению, а исполнить нужно быстро и четко.

Я коротко поклонился.

– Знаете что, генерал?

– Что? – спросил он с вызовом. – Что вы мне скажете, рядовой?

– Скажу, – ответил я, закипая, – скажу четко и откровенно: идите в жопу, генерал! Можете строевым шагом!.. С барабаном и песней! Песню можете выбрать самостоятельно, разрешаю.

Бронник и Бондаренко притворились, что они всего лишь аппликации на стене, ничего не видят и не слышат, а я повернулся и вышел из кабинета.

В коридоре встревоженная Ингрид почуяла неприятность, еще как только увидела направляющегося к кабинету Мещерского генерала, бросилась навстречу, а за моей спиной хлопнула дверь и простучали шаги Бондаренко.

Он догнал, ухватил за рукав.

– Владимир Алексеевич, успокойтесь!.. Он еще не знает, что командующий Военно-космическими силами отстранен от работы с вашим Центром. Сейчас Аркадий Валентинович объясняет ему ситуацию.

Я спросил с подозрением:

– В какой степени отстранен?

Он сказал усмешливо:

– Генералам надлежит общаться с генералами, как ему было указано сверху. То есть с руководством ГРУ напрямую, а не пытаться влезать в чужие структуры да еще и раздавать там указания.

– Слава богу, – сказал я. – Нет, я не требую его отставки, у меня не тот ранг и вес. Я даже рад, что ему указали на наши разные весовые категории.

Он взглянул на меня остро и с пониманием.

– Но все же вы... обижены?

– Если честно, – ответил я, – то все наоборот. У нас в самом деле разные весовые категории. Я ученый, а он всего лишь военный! Любому генералу до ученого средней руки, как амебе до Эйнштейна, это и грузчику ясно. Но я принимаю мир, какой он есть в данный момент, понимая, что это явление временное. Скоро наступит наше время, когда генералов вообще не останется. Ни на планете, ни в космосе. А вот ученые будут править миром! Потому я сравнительно спокоен и уверен.

Он покрутил головой, словно не зная, что ответить, наконец сказал с сомнением:

– Как уже сказал Аркадий Валентинович, курирующим ваш отдел назначен генерал Гонта. Не вскидывайтесь, таковы правила. Все ГРУ целиком, как вы уже знаете, лишь один из отделов Министерства обороны. В самом министерстве... да что там в министерстве, в правительстве!.. опасаются нашего влияния и всячески обрезают нам крылья и связывают руки. Нам приходится отчитываться о каждом чихе.

– Ужасно, – сказал я искренне. – Какая же тогда секретность?

Он вздохнул.

– А вот так. Приходится раскрывать все операции не только перед проверяющими из военного министерства, но и какими-то чинушами из правительства, а то и вовсе депутатами Госдумы, уполномоченными на такие проверки не специалистами, а такими же депутатами, представляете?

– Представляю, – сказал я мрачно. – У нас же главный орган власти Госдума?.. Вот и госдумят всю. Их же простой народ выбирал! Надо оправдывать доверие даже самых простых, выполнять запросы кухарок и диванных стратегов.

– Они сами еще те стратеги, – ответил он невесело. – Но это плата за стремительный прогресс – все увеличивающийся разрыв между людьми образованными и кухарками обоих полов, у которых со времен Древнего Египта запросы не изменились... Давайте вернемся к Мещерскому?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.